



Екатерина Корнилова

**Странная история
драгоценностей
графини Воронцовой**

трилогия

12+

Екатерина Александровна Корнилова
Странная история
драгоценностей
графини Воронцовой

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66690894
SelfPub; 2021*

Аннотация

Мистическая детективная трилогия, повествующая о связи героев, живущих в 19-м и 21-м веках, о реинкарнации и любви сквозь время. Поиски драгоценностей, воскрешающего амулета, тени людей, живших полвека назад, прячущие за тяжёлыми портьерами старинного особняка...

Екатерина Корнилова

Странная история драгоценностей графини Воронцовой

1 часть

Пролог

В окнах старой усадьбы было темно, и лишь в одном мелькали тусклые отблески свечи. Там, в комнате с тяжёлыми сводами, у камина с тлеющими углями сидела женщина. Она была ещё молода, но глаза её, серые, подёрнутые пламенем свечи, смотрели грустно, казалось, они успели повидать многое за свою довольно короткую жизнь, и сейчас их взор обращался куда-то внутрь, вглубь тех самых событий, от которых и взгляд, и всё тонкое лицо женщины сделались печальными.

Стояла середина августа – то замечательное время, когда

буйная июльская зелень кое-где покрывалась то багряной, то золотой краской. Жара спала, ветер стих, и отовсюду веяло каким-то спокойствием, будто ещё чуть-чуть, и лето развернётся в полную мощь, и не будет никакой осени с её слякотью и безграничным давящем серым небом.

Смеркалось, и господский дом с его колоннами и мезонином погрузился в полумрак, убаюканный мирным покачиванием старых садовых лип.

Графиня услышала шарканье за дверью.

– Барыня! Господин Каримский прибыли.

Женщина встрепенулась, поправила слегка припудренные волосы.

– Зови. И... чаю, нет – кофею подашь.

В залу вошёл высокий красивый мужчина в чёрном парике и тёмно-синем с золотом камзоле.

– Графиня! – он поклонился, подошёл к поднявшейся из кресла женщине, припал губами к её тонкой женственной руке, – Погода нынче чудесная.

– Да, князь, – проговорила графиня, чуть склонив голову, – Пойдёмте лучше в сад.

– Как скажете, Елизавета Васильевна, – с мягкой улыбкой отозвался мужчина.

Они вышли в сад, и густая зелень лип приглушённо зашестела.

– Сударыня, я забыл цилиндр в доме, – спохватился князь, – Сию минуту вернусь!

Оказавшись в одиночестве, графиня обратила всё тот же печальный взгляд свой в сторону беседки, заросшей плющом. Когда-то беседки не было, а была площадка для игр – излюбленное место времяпрепровождения её маленького сынишки и его гувернантки, мамзель Дюфре. Елизавета Васильевна поднесла было к глазам ладони, но слёз, к её удивлению, не было. Давно уже не было.

– Елизавета Васильевна! – вернулся князь Каримский, в цилиндре, – Я прошу вас, не будьте так печальны. Ваши глаза привыкли смеяться, ваши губы... Ваши губы должны улыбаться!

Елизавета взглянула на своего спутника, и быстро отвела

глаза.

– Перестаньте, Кирилл Алексеич, станет с вас! – она махнула рукой, и уж тут-то из её прекрасных глаз покатились слёзы, – Холодно, – произнесла она сдержанно и слегка поёжилась, – вернёмтесь в дом.

Слуга уже принёс кофе. Каримский пил маленькими глоточками и говорил о пустяках. Графиня не пила вовсе.

– Изумительный кофе, Елизавета Васильевна.

– Спасибо, Кирилл Алексеич, – слова нехотя слетали с её губ.

– Забудьте, – Каримский вдруг весь подался вперёд, ближе к графине, – Оставьте всё в прошлом. Время лечит.

– Время? – Елизавета громко и тяжело вздохнула, – Время давно остановилось.

Через полчаса, в течение которого говорил преимущественно князь, Каримский ушёл, заявив напоследок, что приходил он, собственно, дабы вручить графине Воронцовой приглашение на губернаторский бал. Елизавета осталась одна, теребя в руках глянцевый конверт, выпила остывший

кофе и так и просидела всю ночь в тёмной, без единой горячей свечи, комнате. На утро её нашли мёртвой.

Глава 1

Прошло 15 лет.

Молодая княжна Наталья Осиповна в кружевном белом платье, в белой же широкополой шляпке с ленточками прогуливалась в тени старых лип.

– Зиночка! Зинуля! – крикнула она своей младшей сестре, хорошенькой темноволосой девушке лет шестнадцати в голубом платьице и маленькой соломенной шляпке.

– Да, Наташа! Иду! – она прибежала румяная, с широко раскрытыми удивлёнными, даже напуганными глазами.

Наталья Осиповна обняла сестру, прижала к груди и лишь в тот момент заметила, как Зиночка дрожит всем телом.

– Что случилось, дорогая? У тебя озноб?

– Там! Там, в беседке! Наташа! Я боюсь! Там женщина!

– Какая женщина? – изумилась Наталья Осиповна, – А! Должно быть, Марья Филипповна приехала! Мамина кузина.

– Наташа, Наташа... – и девочка зарыдала.

Наталья Осиповна, обеспокоившись странным состоянием сестрицы, отвела её в дом.

– Натали! – послышался голос матери, – Марья Филипповна с семейством! Подите сюда!

– Идём, татан! – крикнула Наталья Осиповна и снова обняла Зиночку, – Вот видишь, а ты перепугалась, глупенькая.

Наталья помогла Зинуле умыться, пригладила ей волосы и проводила в гостиную, где семейство князей Сухимских уже было в полном составе: родители сестёр, матушка княгини – княгиня Зацепина, её компаньонка – сухонькая старушка-приживалка Алевтина Тимофеевна и Марья Филипповна с мужем, статным красавцем, и пятилетним сыночком Алёшей. После, за ужином, говорили много, смеялись, однако, слова все сводились в основном к проделкам маленького Алёши.

– А знаете, князь, я ведь бывал в этом доме когда-то, –

промолвил вдруг муж Марьи Филипповны, – ещё у прежних хозяев. Здесь творились странные вещи...

– Какие? – спросила любопытная Зиночка, но Наталья быстро одёрнула её за рукав.

– Ну что вы, Наталья Осиповна, – заметил это её движение гость, – Молодость любознательна. Вот, послушайте. Здесь жила большая семья: родители – граф и графиня, и трое их детей: двое сыновей и младшая дочь. Старший сын женился, у него родились дети, но, прожив всего несколько лет, они умерли один за другим – корь свалила обоих – мальчика и девочку. Жена, их мать, не выдержав напастя, отравилась мышьяком, муж её не пережил смерти семьи и застрелился. Второй сын делал военную карьеру, и уже дослужился до полковника, как его обвинили в сговоре с членами революционного кружка, сослали в Оренбург, там он, не найдя себе места, промотал всё состояние за игорным столом и умер в одном из ночлежных домов, так как поместье его давно было заложено и перезаложено и пошло в уплату по векселям. Младшая дочь долго не выходила замуж – потрясение от судьбы старшего брата, жившего с семьёй в этом же доме, было слишком сильно.

Однако, родители её хотели непременно выдать дочь замуж – они мечтали о внуках, да и претенденты были один лучше другого. Молодая графиня же была влюблена в от-

цовского друга, часто приезжавшего к ним в гости. Господин этот был богат, сказочно богат, и он влюбился в молодую девушку и каждый свой приезд дарил ей небывалой красоты украшения: золотые, бриллиантовые, рубиновые. Родители вскоре умерли, не дождавшись внуков и свадьбы дочери, и графиня тайно обвенчалась со своею любовью в старой церкви.

Они жили счастливо около шести лет и даже нажили сына, но в последние годы дела супруга графини пошли хуже и хуже. Говорят, есть совершенно было нечего, и муж вспомнил о драгоценностях, подаренных им жене. Графиня же никак не соглашалась их продавать и запрятала где-то в глубине дома. Ушла гувернантка – ведь им нечем было заплатить ей, начались ссоры и скандалы, до драк. Графинин муж перевернул дом, но не нашёл драгоценностей.

Их сынок стал плохо себя чувствовать, и однажды морозным январским утром в припадке отец убил сына. Графиня помешалась, нашла пистолет брата, из которого тот застрелился, и пальнула пару раз в мужа. Сказывают, потом дела графини пошли в гору: то ли она продала украшения, то ли нет, но через полтора года и её не стало в живых. Вот такая, господа, история.

– Невероятно, – пробормотала княгиня Сухимская, – и что же, где их могилы?

Глава 2

– Увольте, Лидия Романовна, таких подробностей я не знаю.

– Друг мой, – вступила в разговор Марья Филипповна, обращаясь к своему супругу, – Ты довольно уже всех напугал. Взгляни на Зиночку, – девушка действительно выглядела бледной, нижняя губа её слегка подрагивала, – Алёшенька заскучал, да уж и спать ему пора.

Тут же все засуетились, княгиня приказала оборудовать комнату для семейства кузины, мужчины закрылись в кабинете с сигарами и коньяком, Наталья Осиповна, почитав с Зиночкой книжку и поцеловав сестру на ночь, ушла в свою комнату.

Комната Натальи Осиповны представляла собой довольно большую залу с тяжёлыми сводами, камином, кроватью под балдахинном, кофейным столиком и креслом, оставшемся от прежних хозяев, комодом со множеством резных отделений и старинным, ещё с екатерининских времён овальной формы зеркалом.

Наталья расчесала длинные русые волосы, сняла с левой руки маленький золотой перстенёк с изумрудом и уже раз-

вернулась, чтобы позвать свою горничную, как лицо её окаменело, приоткрытые губы так и не смогли сомкнуться.

Сидящая в кресле женщина с фарфоровой кофейной чашкой, которую она держала хрупкими тонкими пальцами правой руки так, что мизинчик чуть-чуть отставал от ручки, смотрела спокойно и куда-то вглубь комнаты.

– Надюша! Наденька! – закричала Наталья Осиповна, и крик перешёл в хрип, заглушаемый внезапно возникшим, словно откуда-то с потолка, голосом женщины:– Прошу вас, не бойтесь меня, милая девушка.

На Наталью Осиповну в мгновение ока напал ступор, и она не могла отвести глаз от этой женщины. Лицо её было прекрасно, причёска пышная, старомодная, чуть припудренная, широкие кружевные рукава платья открывали изящные тонкие руки.

– Я прошу вас... Мне нужна ваша помощь, милая девушка.

– К-кто вы? – едва пролепетала Наталья, как в дверь постучали.

– Барышня!

Наталья обернулась, прошептала «Войди» и бросила

взгляд на кресло, в котором всё сидела эта странная женщина в старомодном платье и чашкой кофе в руке.

– Я навещу вас ещё, – пообещала она, поднялась с кресла и, подойдя к камину, переступила декоративное ограждение и исчезла.

На следующий день Наталья и Зиночка играли в беседке с Алёшей. На мальчике был костюмчик морячка, шапочка с двумя ленточками, в руке он держал деревянный игрушечный штурвал и изображал капитана. Во всём саду раздавался визг Алёши и смех Зиночки.

– Ой! – вскрикнул мальчик, он выронил свою игрушку, и та закатилась под скамейку в самую траву.

– Ну что же ты! – всплеснула руками Зиночка.

– Тише, тише! – нахмурилась Наталья, видя, что Алёша едва не плачет, – Поправь шапочку, вот так. Сейчас я его достану, – и Наталья, подобрав платье, присела и протянула руку под скамейку, раздвинула траву и... Оказалось, что густая трава прикрывала небольшую каменную плиту.

– Наташа! – и она вздрогнула, – Ну что ты так долго! – крикнула нетерпеливая Зиночка.

– Вот, держи, Алёша, – от внезапной догадки грудь Натальи Осиповны тяжело вздымалась, – Зинуля, поиграйте там, – она махнула рукой в сторону лужайки с фонтаном, – я хочу посидеть одна.

Дети покорно ушли. Наталья же, перегнувшись через скамейку, снова раздвинула траву и прочитала надпись на откывшейся мраморной панели: «Граф Димитрий Воронцов». Княжна отпрянула от скамейки, часто дыша.

– Это мой сыночек, – проговорил кто-то за спиной.

Наталья обернулась. Перед ней стояла давешняя женщина с той же кофейной чашкой.

– Вы... Вы прежняя хозяйка? – ватным языком пролепетала княжна, – графиня Воронцова? – и упала в обморок.

Глава 3

Наталья Осиповна открыла глаза вечером следующего дня, когда солнце уже позолотило макушки лип и соснового бора за рекой. Над княжной склонились все домашние. Ещё

в прошлый раз при встрече с графиней Наталья решила, что пока ничего никому не расскажет.

– Вы нас ужасно напугали, Наталья Осиповна, – с надрывом произнёс муж Марьи Филипповны и притронулся ладонью к её лбу, – я, видите ли, имею некоторые навыки врачевания, – объяснил он свой жест.

Поговорили ещё немного, посетовали на здоровье нынешней молодёжи и через полчаса оставили Наталью Осиповну наедине с Зиной, которая тут же принялась развлекать сестру разговорами о том, как она провела этот день.

Поправив волосы, Наталья обнаружила на подушке, зарытую в волосы записку: «Будьте нынче в беседке, как стемнеет».

Наталья Осиповна не совсем ещё оправилась после обморока, но любопытство взяло верх, тем более, что она почти наверняка знала, кто желает встречи с ней. Без помощи горничной Наталья надела тёмно-серое домашнее платье, поверх распущенных волос накинула тонкий нежно-розовый платок.

Муж Марьи Филипповны уже ждал её в беседке. Не произнеся ни слова, Наталья села на скамейку.

– Как ваше самочувствие, Наталья Осиповна? – тихо

спросил князь, слегка наклонившись к ней.

– Лучше, спасибо.

– Я, знаете ли, Наталья Осиповна, люблю это время, – неспешно выговаривая слова, продолжал он, – сумерки, природа будто затихает, время останавливается.

– Нет, я не согласна с вами, дядя, – последнее слово Наталья произнесла нарочно, – время никогда не останавливается. Я всё чаще замечаю, как оно бежит.

– И не говорите, Наталья Осиповна. Вот и годы уже берут своё, здоровье не то...

– К чему это вы, дядя? – прямо спросила Наталья, князь же, в свою очередь, весь подобрался, приосанился и, чеканя каждое слово, произнёс:

– Годы идут, а любви, жизни всё нет. Я несчастный человек, Наталья Осиповна, и вот уже несколько дней, как открылись мои глаза, я прозрел – я люблю. Понимаете ли вы? Я влюблён в вас.

Наталья поднялась со скамейки, отряхнула платье.

– Это неправильно. Я ваша племянница, вы женаты, у вас есть сын.

– Наталья Осиповна! – он порывистым движением приблизился к ней, коснулся её локтя.

– Оставьте, князь. Поздно. Жена ждёт вас.

Наталья вернулась к себе и всю ночь думала о странных событиях, происходящих с ней.

Утром за завтраком все справлялись о здоровье Натальи Осиповны, дядя же хранил молчание и лишь в самом конце беседы обмолвился про то, что сосед Сухимских – его давнишний знакомец и они сегодня же отправятся навестить его.

Княгиня Лидия Романовна запричитала о том, как недолго они погостили, как соскучилась она по сестре и племянничку, на что Марья Филипповна отвечала, что сразу же после визита к соседу вернутся к Сухимским. На том и сошлись.

Проводив родственников, Наталья, взяв с собой Зиночку, решила осмотреть дальние уголки сада, нет ли ещё надгробий.

Всем же и сестре тоже Наталья Осиповна объявила, что

нынче много грибов, и сёстры, захватив два лукошка, отправились на прогулку. Но надгробий не было или же Наталья их просто не заметила. Вернувшись к себе, она переоделась и попросив у Наденьки, своей горничной, чаю, уселась в кресле. Нагулявшись по саду, Наталья почувствовала себя усталой, она откинула назад голову, положила руки вдоль бёдер и вдруг пальцы её нащупали острый край то ли бумаги, то ли чего-то ещё. Наталья провела рукой ещё раз и в щели между подлокотником и сиденьем обнаружила конверт глянцевой бумаги.

В конверте лежало приглашение на губернаторский бал пятнадцатилетней давности на имя графини Елизаветы Васильевны Воронцовой. Обстоятельство, что приглашение осталось в кресле, указывало на то, что графиня не попала на бал. «Но почему же оно лежит в таком месте, словно его выронили или намеренно спрятали?» – подумала Наталья Осиповна и обернулась в страхе увидеть графиню. Но привидения не было.

Наталья выбежала из комнаты, на ходу столкнувшись с горничной, несшей чай. Княжна вспомнила, что в кабинете отца в старом секретере лежали бумаги прежних хозяев. Осип Григорьевич был в присутствии, и потому Наталья беспрепятственно проникла в кабинет.

Она нашла паспорт графини и её мужа, никаких докумен-

тов их сына не было, равно, как и других бумаг. «Она про-
сила меня помочь, – вспомнила княжна, – Но чем же? И в
чём именно помочь?» Огорчившись от безуспешных поис-
ков, Наталья Осиповна возвратилась к себе, выпила чаю и
снова взялась за свою находку – глянцевый конверт. Но ка-
ково же было её изумление, когда Наталья увидела, что над-
пись на приглашении изменилась и теперь представляла со-
бой диалог из какого-нибудь романа:

« – Мы разорены, Лиза...

– Я знаю, нам нечего есть.

– Мы разорены, но ты ведь хранишь мои подарки?

– Что?

– Лиза, мы нищие... Каримский разорил нас. Все наши ле-
са сожжены, те, что шли на продажу – испорчены или укра-
дены уже у покупателей. Люди думают, что я мошенник.

Они говорят, что я продаю лес, получаю деньги, а затем
краду его и продаю снова. Нас уже не принимают в Петер-
бурге, нам отказано в кредите в Опекунском совете. Мы ра-
зорены. Наш мальчик болен от голода. Придётся рассчиты-
ваться с мамзель Дюфре, но я не приложу ума – чем...»

Надписи исчезли. Наталья Осиповна осторожно помести-

ла листок в конверт и убрала его в верхний ящик комода. Водоворот загадочных случайностей, затянувший её, уже не пугал, а, напротив, манил, у Натальи Осиповны появился даже своеобразный азарт, но сердце её, между тем, бешено колотилось, и княжна вылетела из комнаты.

– Ма шер! – позвала княгиня, – спускайся обедать!

Наталья Осиповна, сиюсь выровнять дыхание, прислонилась к стене, отдышалась и вошла в столовую.

Глава 4

За круглым обеденным столом, кроме домочадцев, восседала приятельница Лидии Романовны баронесса фон Крафт и рядом... – и сердце Натальи, без того норовящее выскокить из груди, ухнуло куда-то вниз – её сын, баронет Александр, красивый темноволосый молодой человек с мягким взглядом серых глаз и приятной белозубой улыбкой.

– Наташа! Посмотри-ка, кто к нам приехал! – улыбаясь, проговорила княгиня, и баронет поднялся и слегка поклонился, а его мать степенно кивнула головой.

– Добрый день, господа, – поздоровалась Наталья и заняла

своё место рядом с Зиной.

Александра Наталья Осиповна видела лишь однажды на первом своём балу в свете несколько лет назад и с тех пор его образ не покидал её тайных мыслей.

После обеда старая княгиня попросила Наталью распутать с ней пряжу, сославшись на то, что Алевтина Тимофеевна, её компаньонка, приболела, так что княжна потеряла возможность показать вместе с родителями и Зиной фон Крафтам имение. Наталья же, в свою очередь, провела весь остаток дня до ужина с бабушкой, выслушивая её комментарии по поводу нынешнего положения дел в мире и в Российской империи в частности.

Ужин прошёл мирно, фон Крафты делились последними новостями из Петербурга, а после Зина прибежала к Наталье с горящими глазами и счастливой, в пол-лица, улыбкой.

– Наташа, милая! Баронет Александр попросил меня нынче нашу оранжерею. И, увидев розы, спросил ножницы, и, срезав одну, подарил её мне! Я влюблена, Наташа! Он прелесть, прелесть!

Наталья Осиповна обняла сестру и поцеловала в макушку.

– Тебе кажется, Зинуля.

Зиночка отняла лицо от груди сестры.

– Нет! – глаза её смотрели серьёзно, – это что-то!.. Такое... – и Зиночка горько заплакала, – а вдруг, – срывающимся голосом сквозь рыдания продолжала она, – я ему не нравлюсь?

– Ну что ты, Зинуля. Не надо, милая, – Наталья гладила сестру по голове и сама чуть не плакала.

Через несколько дней баронет Александр сделал Зиночке предложение руки и сердца, и свадьба была назначена на конец сентября. Никто, кроме Наденьки, не видел тихих Натальиных слёз, сокрытых шёлковой кружевной подушкой. Все последующие дни и недели княжна, как в воду опущенная, и ничто не могло привести её в чувство.

Никаких посланий от графини Воронцовой больше не было, да и сама Наталья почти забыла о ней – все её мысли были заполнены предстоящей женитьбой баронета и Зиночки. Казалось, никто не замечал её настроения, её грустных, припухших от слёз глаз, да княжна и скрывалась ото всех в глубине липовой аллеи, в беседке или в обширной отцовской библиотеке.

Наступил сентябрь, а жара всё не спадала. Вновь прибыла

Марья Филипповна с супругом и сыночком и сразу же попала в приглашённые на свадьбу, которая должна была состояться в имении Сухимских.

Однажды в дождливый день – чуть ли ни первый за весь сентябрь – Наталья Осиповна сидела в библиотеке за книжкой сочинений Мольера, как зашёл дядя, он выглядел усталым, немного озадаченным чем-то.

– Простите, княжна, не думал, что вы тут, – он откашлялся, смутившись, – Вернее, думал, что здесь никого нет. Я уйду, если мешаю.

Наталья подняла голову от книги.

– Нет, что вы. Прошу вас, садитесь.

– Что вы читаете? – поинтересовался князь, присаживаясь рядом.

– Мольера, – она посмотрела в окно. Шелестел дождь, – Как грустно, да?

– Грустно, Наталья Осиповна, – кивнул князь, – не говорите, – он поднялся, снял с полки первую попавшуюся книгу, полистал и, закрыв её, вернулся на место.

– Как вы относитесь к помолвке вашей сестрицы? – помолчав немного, спросил князь.

– Это хорошая партия, – произнесла Наталья с расстановкой. – Баронет во всех отношениях положительный молодой человек...

Князь пристально посмотрел на неё.

– Вы ведь равнодушны к нему, Наталья Осиповна?

Она кинула на него быстрый взгляд и опустила глаза.

– Не отвечайте, княжна, – печально улыбнулся князь, – мы с вами сходимся в этом: нам обоим отказали во взаимности симпатичные нам люди.

Наталья Осиповна ничего не ответила, но с этой минуты, она чувствовала, между ними завязалось что-то наподобие дружбы.

Глава 5

К концу сентября погода испортилась, каждое утро шёл дождь с мрачного серого неба, листва под цвет неба облетала, закрывая собой слякоть, в которую превратились песчаные дорожки в саду.

Господская церковь была убрана и украшена для торжества, свадебное платье заказано из Парижа, дух праздника, несмотря на непогоду, витал в воздухе. Даже Наталья Осиповна примирилась с мыслью о женитьбе баронета.

За несколько дней до намеченной даты солнце выглянуло из-за туч, и Наталья Осиповна отправилась покататься верхом. В берёзовой рощице она спешила, сделала глубокий вдох, отчего грудь её наполнилась неповторимым ностальгическим воздухом сентября, сладкой грустью по прошедшему лету.

Княжна посмотрела на солнце, пробивавшееся сквозь деревья, зажмурилась от яркого свечения, опустила голову и натолкнулась на баронета фон Крафта. Тот улыбался, придерживая за узды своего вороного.

– Доброе утро, княжна.

– Доброе утро, Александр Генрихович. Вы одни?

– Да, Зиночке нездоровится. Разве вы не слышали?

Наталья Осиповна, нахмурившись, покачала головой.

– Я уехала почти на рассвете.

– Разрешите, я составлю вам компанию, Наталья Осиповна? – предложил баронет.

Княжна пожала плечами.

– Разумеется, – и они, запрыгнув в сёдла, помчались, обгоняя друг друга. Вышло так, что проехали молодые люди весь день.

Вернувшись домой, они были встречены Лидией Романовной и баронессой фон Крафт с известием о смерти Зиночки. Александр бросился в её комнату, Наталья Осиповна последовала за ним. Остальные домашние, кроме баронессы и княгини, неотлучно шедших за своими детьми, попрятались по своим комнатам, дабы пережить свалившееся на всех горе.

Оказалось, что Зиночка, желая полюбоваться видом из своего окна, упала со второго этажа, хотя и горничная, и гувернантка её клялись, что не открывали окна, ведь погода в это время стояла обманчивая и от любого ветерка можно простудиться, тем более, что Зиночка с утра чувствовала себя приболевшей.

Весь дом погрузился в траур. Наталья Осиповна проплакала всю ночь у себя в комнате. За окном рассвело, княжна подняла голову и увидела перед собой графиню. Та, как всегда, пила кофе.

– Это я её сбросила, – призналась графиня, – теперь ты выйдешь замуж за Александра и в благодарность за мою услугу окажешь услугу мне.

Наталья обезумела от услышанного, вскочила с постели и заметалась по комнате.

– Я не просила вас ни о чём!

– Но я видела, как баронет тебе небезразличен, – настаивала графиня.

– Елизавета Васильевна, – всплеснула руками княжна, – кто мне небезразличен во всей этой истории, так это моя сестра Зиночка, а вы убили её!.. – и Наталья разрыдалась с новой силой.

Графиня задумалась на мгновение и произнесла голосом, от которого завибрировали стёкла больших полукруглых окон:

– Её возможно воскресить. Если в течение следующих

двух дней ты найдёшь амулет, то вернёшь Зиночку.

Глава 6

Наталья Осиповна не верила собственным ушам.

– Какой амулет? Где я его найду?

Графиня мягко улыбнулась и, переступив порожек каминна, проговорила:

– Успокойся, милая. Спокойствие возвращает уверенность, а лишь с уверенностью можно добиться всего, – и растворилась в воздухе.

На рассвете, когда солнечные лучи радостным полукругом осветили бледно-голубое небо, Наталья Осиповна вышла в сад прогуляться.

Было холодно, но княжна не замечала даже пара, выходявшего из её чуть приоткрытых губ.

– Княжна! – у беседки стоял дядя, – Доброе утро! Хотя... с оглядкой на последние события – не такое уж и доброе.

– Кирилл Алексеич, вы обмолвились, что бывали здесь прежде, при старых хозяевах...

Лицо князя напряглось, но в следующую секунду вновь обрело то добродушное выражение, с каким он встретил Наталью.

– Так вот, – продолжала она, – кем вы приходились бывшим хозяевам?

Князь вздохнул.

– Наталья Осиповна, я ведь уже говорил, что неподалёку живёт мой приятель, вы, должно быть, тоже слышали о нём. Мы с Марьей Филипповной и Алёшенькой ездили к нему, вот через него-то я и свёл знакомство со здешними господами.

– Полагаю, ваше знакомство переросло в крепкую дружбу, ведь вы так хорошо знаете историю этой семьи.

Кирилл Алексеич промокнул кружевным платком вспотевший лоб.

– Я расскажу вам всё, княжна, коли вы настаиваете на этом. Что ж... Извольте. У моей матушки был некий дар, перешедший к ней от прабабки, вместе с даром перешли и

драгоценности неопиcуемой красоты, и среди них – амулет, способный воскрешать мёртвых. Однако, возможно, это его свойство – лишь семейная легенда, но красота и ценность украшений – правда, ваш покорный слуга сам тому свидетель, – и он слегка наклонил голову, – И вот однажды, а моя матушка к этому времени уже овдовела, – прибавил князь, – к ней стал наезжать один граф... – Кирилл Алексеич откашлялся, – Воронцов.

– О, Боже! – воскликнула княжна.

– Да, – вздохнул князь, – под видом любовных или... дружеских свиданий он украл всю коллекцию. Матушку хватил удар. Перед смертью она прокляла всех прикоснувшихся или даже просто видевших драгоценности, кроме её родственников. Я думаю, рок, преследовавший домочадцев графини, вызван проклятием, ведь граф подарил всю коллекцию Елизавете Васильевне.

– Господи! – Наталья Осиповна поднесла к лицу руки, – и где же коллекция сейчас?

Князь пожал плечами.

– Если вы помните, я рассказывал, что даже граф Воронцов, опустившийся на самое дно бедности, не смог выпро-

сильно их у жены. Та умерла вскоре после смерти мужа – ведь это она убила его, полиция тогда замяла это дело – возможно, графиня откупила себя чем-то из коллекции. Однако, она не вынесла угрызений совести и... умерла от удара.

Наталья пристально посмотрела на дядю, тот поймал её руку и прикоснулся к ней губами.

– Что с вами? – Наталья вскрикнула, как ошпаренная, отдернула руку и, подхватив подол платья, убежала.

В столовой было пусто, даже слуги ещё не накрывали к завтраку, а Наталье Осиповне казалось, что уже минуло несколько часов с тех пор, как она покинула свою комнату. Вдруг послышались шаги, и в столовую вошла графиня, при ходьбе кофейная чашка подрагивала в её руке, и несколько капель кофе выплеснулось на паркет. Коснувшись его поверхности, они исчезли.

– Стало быть, Каримский вам всё рассказал, княжна, – строгим голосом произнесла графиня – она снова перешла на «вы». Наталья в первый раз увидела, как она парит над полом, и по телу княжны пробежала дрожь, дошедшая до корней волос.

– Каримский? – Наталья Осиповна вспомнила эту фами-

лию из приглашения на губернаторский бал, – но... Кирилл Алексеич не Каримский, а... – её глаза расширились, – он решил отомстить моему мужу, сначала он расстроил его дела и, зная о драгоценностях, думал, что я стану продавать, а он купит и вернёт коллекцию обратно, но я... Что-то нашло на меня, видимо, в них действительно есть некая магическая сила, которая не позволила мне расстаться с драгоценностями.

Мой муж убил нашего сына, я убила мужа, и Каримский стал приходить ко мне – я была безутешна, потеряна и... мне было всё равно, что он погубил нашу семью... Он уверил меня, что не делал ничего плохого, что дела расстроились сами собой и что, наоборот, он хотел помочь нам – купить драгоценности. Я прониклась к нему доверием, ведь он давно уже был, то есть казался, нашим другом. Он выведал, где я храню коллекцию и... убил меня – подсыпал в мой кофе стрихнин, покуда я ждала его в саду, а он под предлогом забытого цилиндра вернулся в дом.

– Зачем он убил вас? – спросила, потрясённая словами графини, Наталья Осиповна.

– Чтобы я не отомстила ему в ответ.

– Почему же вы не воскресили вашего сына и всех остальных умерших родственников?

– На всех них было наложено проклятие, поэтому амулет не имел для них своей силы.

– Как жаль. Как жаль, графиня, – Наталья задумалась на мгновение, – Получается, – медленно проговорила княжна, – что амулет у Каримского?

Глава 7

– Да, но где? И отдаст ли он его? Да и если вы, княжна, притронетесь к нему, несчастья обрушатся на вас. Воскресить Зиночку может только сам Каримский, и времени на то всего один день.

Весь день Наталья Осиповна провела со своим отцом, так как тот был в полнейшем нервическом расстройстве. Матушка же занималась предстоящими похоронами вместе с баронессой. Старая княгиня целыми днями не выходила из своей комнаты и молилась.

Наталья всё думала, думала, как подойти к Каримскому,

с чего начать, и томилась, томилась от бессилия. Под вечер она нарочно столкнулась с ним около лестницы, прошептала: «Встретимесь в полночь в беседке» и убежала прочь.

После ужина баронет с заплаканным лицом попросил у Натальи Осиповны несколько минут – он хотел говорить с ней и казался очень несчастным.

– Вы не представляете, Наталья Осиповна, что я чувствую, – промолвил Александр дрожащим голосом, как только они неспешным шагом вышли на липовую аллею, – Мне тяжело, и поддержки... Увы, поддержки я не нахожу. Все словно забыли про меня, а я страдаю.

Наталья Осиповна остановилась, бросила на баронета быстрый взгляд и произнесла:

– Я не вполне понимаю вас, Александр Генрихович, все сочувствуют вам...

– Наталья Осиповна! – баронет протянул к княжне руки, приблизился к ней и... поцеловал в губы.

Наталья отстранилась и молча ушла. Мысли её были бунтарскими, кто знает, сколь долго ждала она этого момента, но не переступить же через мёртвое тело своей сестры, что-

бы добиться желаемого!

У себя Наталья Осиповна облачилась в длинный тёмно-синий плащ с капюшоном, взяла на кухне небольшой ножик, из гостиной – короткую свечу и спички. Помолившись перед выходом, княжна тихо прокралась в сад, к беседке.

Каримский опаздывал, Наталья не знала, на сколько, и начинала нервничать.

– Не бойся, – прошептал сзади голос графини, – Я с тобой.

Появился князь, Наталья Осиповна едва заметно вздрогнула, но, взяв себя в руки, даже улыбнулась.

– Кирилл Алексеич!

– Я удивлён, княжна, – лицо Каримского действительно выдавало недоумение.

– Нет-нет, всё просто, дядя. Мы с Елизаветой Васильевной хотим говорить с вами.

– С... с кем? – князь слегка отпрянул назад, нога его коснулась чего-то твёрдого, Каримский обернулся – то была скамейка.

– Садитесь, Кирилл Алексеич, не бойтесь, – раздался в тишине голос графини, и весь силуэт её проявился сквозь тьму, освящённый призрачным сиянием, неизменная кофейная чашечка чуть позвякивала.

Князь в страхе отшатнулся так, что едва не упал.

– Мы не выдадим вас, – продолжала Наталья, – при условии, если вы отдадите нам амулет из коллекции графини Воронцовой.

– Это моя коллекция! – взвизгнул Каримский, – моя мать умерла из-за неё!

– Зиночка умерла. В вашей власти воскресить её, князь, – зывала к лучшим чувствам Каримского Наталья Осиповна, – помогите, прошу.

– Станьте благосклонны ко мне, – осмелел коварный соблазнитель, – Наталья Осиповна, и амулет ваш.

– Я убью вас, Каримский, я ненавижу вас, – заговорила графиня, не раскрывая рта, она была прекрасна и жутка в этот момент и парила над землёй.

– Нет! Нет! – закричал князь и побежал вглубь сада, схватившись руками за голову, напрасно пытаясь заслонить ладонями уши, чтобы не слышать этого всепоглощающего голоса.

Наталья Осиповна вдруг заметила, что стоит в беседке совершенно одна в полной темноте. Минуту спустя княжна бежала по тропинкам сада, окликая попеременно то Каримского, то графиню, но никого не было.

Глава 8

Она очнулась ранним утром в комнате Зиночки у мёртвого тела сестры. Та уже лежала в гробу, у изголовья теплилась свеча.

– Зиночка! Сестрица! – причитала Наталья Осиповна, не отрываясь от холодной груди молодой княжны. – Простишь ли ты меня?

– И меня.

Наталья поднялась на ноги и увидела бледное измождённое лицо Александра.

– Простите мне мою вольность, Наталья Осиповна, – начал он, нервно переступая с ноги на ногу и одёргивая домашний сюртук, – Я не спал всю ночь, ждал утра, ждал встречи с вами – возможности объясниться... Мне право неловко, – он откашлялся, – Простите ли вы мне сиюминутный порыв, слабость... Вчера, на аллее.

Наталья была не в силах ответить что-либо и потому хранила молчание. Баронет подошёл ближе, к гробу, встал перед ним на колени.

– Простишь ли ты меня, Зина? Я был недостоин тебя... – он сдержался и не заплакал, затем медленно поднялся, взглянул на Наталью. – Вы молчите? Всё-таки обиделись?

Княжна сделала шаг в его сторону.

– Нет, Александр Генрихович, напротив. Скажите мне... Скажите, вы действительно были влюблены в Зиночку?

Александр на мгновение закрыл глаза, и глубокая скорбь отразилась на его молодом, некогда жизнерадостном лице.

– Да, Наталья Осиповна, и до сих пор...

Как тяжело было слышать эти слова, это жестокое подтверждение её собственных подозрений.

– Я прощаю вас, да вы ни в чём и не виноваты передо мной, баронет. И Зиночка простила бы.

Поклонившись, Александр вышел. Наталья вернулась к гробу, чтобы взглянуть на сестру ещё раз. Лицо той было бледным и необыкновенно прекрасным, а потому Зиночка казалась взрослее. Наталья Осиповна провела рукой по чёлочке княжны и обнаружила под ней вещицу, напоминающую брошь. Вещица покоилась у Зиночки на лбу и была сделана то ли из меди, то ли из бронзы – маленький плоский кружочек, испещренный непонятными ювелирной работы письменами, посередине которого поблёскивал крошечный рубин или гранат.

– Только не прикасайтесь к нему, княжна! – проговорил сзади голос вроде бы князя Каримского, но теперь он звучал совсем по-иному, чем прежде.

– Кирилл Алексеич! – перед Натальей предстала невесомая призрачная фигура князя, – Что с вами? Вы ли это?

– Я... – голос вновь раздавался отовсюду, только не из сомкнутых губ его обладателя, – Елизавета Васильевна всё же отомстила мне, – привидение развело руками, – она... провела меня сквозь землю.

– Что? – Наталья Осиповна уже давно отучилась удивляться, но последние слова князя изумили её.

– Там, в беседке, есть каменная плита. Это могила её сына, после его смерти графиня велела построить на том месте беседку. Елизавета Васильевна сделала что-то, и мы с ней оказались под землёй. Я увидел полуистлевший скелет её сына. Я виновен в его смерти и я должен был поплатиться за это, – смиренно произнёс призрак последние слова.

– Но... Кажется, это граф убил собственного сына...

– Увы, Наталья Осиповна, – князь покачал своей прозрачной головой, – Припадок, коим объяснили убийство молодого графа, случился при мне, я был тогда у Воронцовых в гостях. Мне нужны были драгоценности, и я уже помешался на их возвращении. Разорение моих обидчиков не помогло мне – Елизавета Васильевна отказывалась продавать коллекцию. Тогда я подумал, что ежели она останется одна, то её легче будет сломить. Я заявил, что Елизавета Васильевна не раз проявляла благосклонность ко мне и Дмитрий – мой сын. Граф не мог выдержать такого удара. Обрушившаяся на него нищета, упрямство жены, отказы в свете сделали своё дело, и он с невиданной яростью набросился не на графиню, как я того ждал, или на меня, а на собственное дитя, не слу-

шая увещевания супруги. Она была честна – мы с Елизаветой Васильевной никогда не были близки. И вот... Увидев Митеньку, я... Моё сердце не выдержало. Моё тело осталось в земле.

– А графиня? – спросила Наталья.

– Графиня завершила свой путь на земле – отомстила мне и растаяла – надо полагать, отправилась в рай. Или ад, – добавил Каримский.

Наталья Осиповна обернулась на Зиночку.

– Это... амулет? – дрожащим голосом спросила княжна, – Теперь Зинуля воскреснет?

Кирилл Алексеич вздохнул.

– Я перенёс сюда амулет уже будучи призраком. К амулету следует прикоснуться губами, а затем положить на губы мертвеца. Увы, моё дыхание остановилось несколько часов назад, а амулет питается живым теплом. И вам придётся воскресить сестру, Наталья Осиповна.

Княжна, округлив глаза, застыла на месте.

– Но вы сами только что уберегли меня от прикосновения к амулету, ведь в этом случае он принесёт несчастье мне.

– Вы не знали всего, теперь же вы властны сделать выбор. Вы уже несчастны, Наталья Осиповна, ваша сестра мертва. Тем более что вы – моя племянница, хоть и не по крови. Смелее!

Эпилог

Целую неделю продолжались гуляния по случаю свадьбы Зинули и баронета. Все пребывали в счастливейшем расположении духа, ещё и из-за чудесного воскресения невесты, объяснённого семейным доктором как глубокий обморочный сон.

Наталья Осиповна улыбалась, но была бледна. По окончании празднований она уезжала к тётке в Петербург – последние события подкосили душевное состояние княжны, и она была не в силах оставаться в родовом имении.

Графиня Наталья больше не являлась, князь Каримский бесследно пропал, словно сквозь землю провалился, и лишь старшей его племяннице было известно, что так оно и есть.

Украденных драгоценностей не нашли, они тоже исчезли

вместе с амулетом.

– Наташа! – Зиночка подбежала к сестре, сияя улыбкой и шурша юбками изумительного кружевного белого платья, – спасибо тебе! Спасибо тебе за всё! – расцеловала Наталью Осиповну и убежала.

– За что? – вопрос без ответа лёгкой дымкой повис в воздухе, на коже остался неприятный холодок от касания Зиночкиных пальцев, а в памяти надолго запечатлелся взгляд её странных мёртвых глаз.

Наталья Осиповна взглянула на небо – небо хранило молчание.

2 часть

На круги своя

Глава первая

Старый слуга погасил свечи, и стало темно. Рассвирепевшая выюга рвалась в окна так, что стёкла жалобно дрожали, норовя разбиться. По анфиладе больших, строгой красоты комнат гуляли сквозняки и, словно волки, завывали в каминной трубе и где-то у сводчатых оконных рам.

Наталье Осиповне с самого начала не понравился этот огромный холодный особняк на Дворцовой набережной и этот промозглый, вечно-серый, даже зимой, город.

В Петербурге княжна жила вдвоём с тётушкой, не считая слуг, уже около года.

Тётушку звали Анной Григорьевной, она была старшей сестрой Натальиною отца, характер имела мягкий, не злобливый, в племяннице души не чаяла и всё пыталась сосватать её за какого-нибудь молодца с большим кошельком и добрым сердцем, но то ли в столице не доставало кошельков, то ли добрых сердец, а только у княгини задуманное никак не воплощалось в жизнь.

Сама она была выдана замуж в пятнадцатилетнем возрасте за видного политического деятеля, знававшего Екатерину ещё молодой, родила ему пятерых детей, двое из которых умерли в младенчестве, а остальные, повзрослев, обзавелись собственными семьями и разъехались кто по Петербургу, кто по провинциям. Муж тётушки скончался ещё

при Павле, оставив супруге богатое состояние, доброе имя и сравнимый с царскими покоями господский дом.

Наталья потеплее завернулась в пуховое одеяло, закрыла глаза, но сон не шёл – слишком сильными были впечатления от сегодняшнего бала, с которого княжна вернулась несколько часов назад. В голове до сих пор играла музыка, свет сотен свечей слепил, и серые глаза молодого графа Корницкого заполнили все её думы. Здесь, в Петербурге, Наталья сошлась с двумя девушками – внучками тётушкиной приятельницы – Ольгой, темноволосой холодной красавицей, и Ксенией, весёлой, рыжей, всё лицо в конопушках. Уже вторую неделю они втроём вздыхали по приехавшему недавно в столицу московскому графу, тот был женат, но бездетен, а так как слухи распространяются быстрее эпидемии, было доподлинно известно, что супруга Корницкого осталась в Первопрестольной и что женился он на толстой нескладной купчихе исключительно ради денег в обмен на графский титул.

И сегодня этот красавец с томными серыми глазами пригласил Наталью на целый танец! Граф был очень галантен, хорошо танцевал и улыбался тёплой улыбкой. Когда музыка закончилась, Корницкий отвёл Наталью Осиповну обратно к столику, где её дожидалась тётушка и пропустившая вальс Ольга, вежливо поклонился, поцеловав Натальину ручку, и произнёс: «Как вы милы!».

Ах, наверное, ей не уснуть сегодня!

На следующее утро за завтраком тётушка сообщила, что утром почтальон принёс письмо от молодой баронессы фон Крафт. Зиночка писала, что они с мужем скоро будут в Петербурге и непременно навещат любимых тётушку и сестрицу. При упоминании о младшей сестре Наталья Осиповна внутренне содрогнулась: совсем ещё не изгладившиеся из памяти события всеми красками напомнили о себе, княжне стало страшно.

– Ты что-то погрустнела, голубушка, – заметила Анна Григорьевна, – Олады, что ли, пережарены?

– Нет-нет, – помотала головой Наталья и улыбнулась, – просто... Я соскучилась по ним, ведь мой отъезд был таким неожиданным, – солгала она.

– Всё встанет на круги своя, – княгиня погладила племянницу по руке, – Только дай срок.

Через неделю, как и обещали, Зиночка с мужем приехали в Петербург. Тётушка неустанно хлопотала по хозяйству, отдавала распоряжения насчёт устройства комнаты для супругов, хотя те уверяли её, что великолепно разместятся в гостинице, но Анна Григорьевна, сославшись на долгую раз-

луку, настояла на своём, и чета фон Крафтов осталась в доме с двумя скучающими родственницами.

Всю неделю, проведённую в ожидании сестры, Наталья Осиповна представляла встречу с её мужем, но вот сейчас при виде Александра сердце её не содрогнулось, дыхание не перехватило – Наталья оставалась спокойной и приветливой. Зиночка была радостной, румяной и всё щебетала, щебетала о чём-то: то об их жизни в имении, то о родителях, то о планах на будущее и покупке особняка.

Вечером все вместе отправились в оперу, давали «Аиду», и Зиночка с тётушкой плакали. В антракте Наталья Осиповна встретила Корницкого.

– Княжна! – он склонился к её ручке, – Вы очаровательны!

Наталья Осиповна чувствовала, как щёки заливаются румянцем.

– Спасибо, Евгений Платонович.

– Вы одни? – удивился князь.

– Ну что вы, просто немного душно, и я решила прогуляться по театру. Со мной в ложе тётушка и моя сестрица с

мужем.

– Так идёмте к ним, Наталья Осиповна! Станемте с вами добрыми приятелями, – и в эту-то минуту сердце княжны дрогнуло и забилося часто-часто. Ах, разумеется! О чём ещё и мечтать!

Наталья Осиповна представила Корницкого фон Крафтам, и тот пригласил всех назавтра к себе на суаре.

Княжна снова провела бессонную ночь. Господи, неужели она влюбилась в этого чужого женатого человека! Наталья силилась уснуть уже который час, как в дверь тихонько постучали.

– Кес ки? – спросила княжна по-французски.

– Это я, Наташа, – ответила Зиночка, – Разрешите мне войти.

– Антре.

В комнате было темно, и лишь тусклый свет от луны, проливающийся сквозь неплотно зашторенные окна осветил тонкий силуэт в длинном белом одеянии. Лицо Зиночки бледнело на фоне тёмных распущенных волос. Наталье Осиповне

повне почудилось, что ей явился призрак.

– Что ты, Наташенька, не рада меня видеть? – голос Зиночки стал глухим или это стены так искажали звук?

– Нет-нет, Зинуля, проходи, – пытаюсь скрыть дрожь в голосе, произнесла княжна, – Сейчас зажгу свечу.

– Не надо, – Зиночка присела рядом на кровать, – посидим в темноте, – она протянула руку к Наталье Осиповне и сжала её пальцы. Ладонь Зиночки была холодной, почти ледяной, – Тошно мне что-то, Наташенька. Сердце болит, – и она приложила Натальину руку к своей груди: сердце у неё не билось.

Глава вторая

Наталья Осиповна мгновенно отскочила и принялась искать спички.

– Что с тобой, Наташенька? – произнесла шёпотом Зиночка, – Я боюсь. Ты будто привидение увидела.

К этому времени княжна нащупала на столе спички, за-

жгла свечу: одну, другую, третью – при свете не так страшно... Оказалось, что наоборот. Зиночка, вперив свои мёртвые широко распахнутые глаза, неотрывно смотрела на сестру. Наталье почудилось, что та смеётся.

– Уйди! Уйди! Уйди! – повторяла Наталья, убегая от Зиночки, но та не отступала от неё ни на шаг и всё твердила:

– Я боюсь. Я боюсь. Мне страшно. Мне холодно. Я боюсь.

На крик Натальи Осиповны прибежал слуга, запричитал и убежал прочь. Через несколько минут явился барон Александр – его привёл напуганный слуга, фон Крафт подошёл к жене, обнял её и, ни слова не говоря, за руку потянул её за собой.

Наталья Осиповна осталась одна и, едва отдышавшись, без сил рухнула на кровать.

Суаре у графа Корницкого началось в восьмом часу, Евгений Платоныч квартировал в доме князя Гуранова и один занимал весь второй этаж, кроме графа в доме проживало ещё две-три семьи.

Приглашённых было много, сплошь сливки общества, по всему было видно, что московский гость времени не терял и

успел свести знакомство со всеми.

Зиночка вела себя как обычно и ничем не выдавала своего ночного поведения. В самом начале суаре к Наталье Осиповне подошёл Александр и извинился за причинённое беспокойство.

– Видите ли, княжна, – говорил он, – в последнее время у Зизи появилась склонность к сомнамбулизму, ночью она совершеннейшим образом теряет над собой контроль и ходит по всему дому. Это и явилось причиной нашего отъезда, – вздохнул барон.

Наталья выразила сочувствие и направилась к Зиночке, беседовавшей с Анной Григорьевной.

– Зинуля, нам надобно поговорить, – неловко произнесла Наталья Осиповна, извинившись перед тётушкой.

– Что случилось? – спросила Зиночка, когда они отошли в сторонку.

– Ты хорошо себя чувствуешь, сестрица?

– Душно немного, – сообщила Зиночка, обмахиваясь веером.

– Нет, не сейчас, а в общем смысле?

Молодая баронесса задумалась и серьёзно взглянула на Наталью Осиповну, той лишь на миг показалось, что глаза сестры снова будто застыли от какого-то необъяснимого страха или... Наталья боялась даже думать о причинах, повлекших за собой странное поведение Зиночки.

– Всё чудесно, Натуля, милая, всё-всё! – и она сжала обе руки Натальи Осиповны в своих и выбежала из комнаты. На этот раз её ладони были тёплыми.

– Куда так заспешила Зинаида Осиповна? – раздался голос подошедшего графа Корницкого.

Наталья обернулась к нему, и губы её расплылись в дерзкой, как ей показалось, весьма ненужной улыбке.

– Сама не знаю. В последнее время Зинуля ведёт себя не так как прежде...

– Семейная жизнь нелегка, – граф развёл руками и слегка улыбнулся.

Нужно было что-то ответить, но мысли княжны путались,

не желая обретать словесную форму.

– Вы ведь тоже недавно в Петербурге, княжна? – осведомился граф, чтобы заполнить внезапно возникшую паузу.

– Да, около года, Евгений Платонович, – язык сделался ватным, а ноги предательски подкашивались, – Где же Зиночка? – оглядываясь по сторонам, пробормотала Наталья, – Простите, граф, мне нужно её найти, – и сбежала. Да, не стоит и скрывать: сердце бедной княжны билось с такой силой, что девушка побоялась выдать себя перед графом и поспешила прочь, совершенно не заботясь о соблюдении приличий.

На пути Наталье попался Александр, он был встревожен чем-то и даже не пытался это скрыть.

– Зизи нигде нет, – сказал он без предисловий, – Наталья Осиповна, прошу вас, с ней могло что-то случиться!..

В то же мгновение из дальней залы донёсся сдавленный крик. Гости переполошились и несколько из них, включая Наталью и Александра, во главе с Корницким бросились на звук.

Зиночка лежала на полу под старинным портретом какого-то семейства.

– Господи! – Александр кинулся к жене, тряс её за плечи, пытаясь привести в чувство.

Кто-то принёс воды, Корницкий послал за доктором, но не успел ещё слуга отправиться за ним, как Зиночка очнулась и посмотрела на собравшихся туманным взором, затем встала, опираясь на руку Александра, и не своим – глухим, хрипловатым голосом произнесла:

– Наконец-то я дома. Как приятно после стольких лет...

Наталья не верила своим ушам – это была не её сестра. Княжна пошатнулась и едва не упала – кто-то вовремя поддержал её за локоть, она обернулась, и глаза её столкнулись с невозможным, исполненным нежностью, взглядом Корницкого.

Барону Александру пришлось увезти Зиночку домой, к тётушке, так и не дождавшись врача.

Несмотря на то, что сестра и вела себя, и говорила, и даже выглядела несколько по-иному, никто, кроме Натальи Осиповны не сделал подобных выводов, а все гости сошлись на том, что молодой баронессе стало худо от перемены климата, царившей на суаре духоты и нервного расстройства из-за переезда в Петербург.

Мелкая дрожь овладела княжной – страх перед возвра-

щением в тётушкин особняк. Набравшись мужества, Наталья Осиповна спросила у Евгения Платоныча, чей портрет висит в той комнате, где упала Зинуля, но граф не знал – портрет висел там задолго до его появления в Петербурге. Тогда Наталья подошла к тётушке, та восседала в кресле в углу одна, бледная, и обмахивалась веером.

– Голубушка, – произнесла она, – что же это творится? Поедем-ка домой, деточка.

Наталья Осиповна почтительно кивнула и, помолчав, задала тот же вопрос, что и графу Корницкому.

– Это же бывшие хозяева особняка, – ответила Анна Григорьевна, – сын которых впоследствии продал его князю Гуранову – Каримские: мать, отец, сын, старая княгиня-мать и, кажется, даже прабабка...

Глава третья

Зиночка вроде бы пришла в себя, лишь взгляд её, бывший некогда весёлым, погрузнел. Александр и тётушка всячески ухаживали за ней, не отпуская от себя ни на шаг – столь сильно они были встревожены. Наталья же приглядывалась к

сестрице, выискивая следы её вчерашнего помешательства, и совершенно забыла, что вечером к ним обещался приехать с визитом один молодой человек – новое протеже тётушки.

Молодой человек, которого звали Петр Василевский, имел приятную наружность, добрый нрав и являлся сыном коннозаводчика, коему со всей свойственной ему страстию помогал в этом нелёгком деле. Анна Григорьевна и Наталья познакомились с ним на одном из балов в губернаторском доме, с тех пор Василевский стал наезжать к ним каждую неделю.

Наталья Осиповна вышла к гостю в новом кремовом платье, её волосы были гладко зачёсаны назад, и Пётр, поднявшись при её появлении, не скрывал, а напротив – выразил своё восхищение.

Анна Григорьевна, закутавшись в большую тёплую шаль, скромно устроилась в уголке, Зиночка занималась вышиванием, сидя рядом с мужем на диване, Пётр и Наталья Осиповна обосновались в креслах у противоположной стены. Василевский был интересным собеседником, так что все, затаив дыхание слушали его.

Подали чай. Анна Григорьевна попросила спеть что-нибудь. Пётр, извинившись за свою немзыкальность, лишь развёл руками, тогда Наталья Осиповна исполнила романс. Когда она закончила, барон вызвался тоже что-нибудь сыграть. Музыка была настолько проникновенной, что тётушка прослезилась, а Наталья Осиповна вспомнила о Корницком,

но, почувствовав на себе чей-то взгляд, обернулась и, встретившись глазами с Петром, смутилась.

Гостиные часы пробили половину восьмого. Зиночка всё так же, не отрываясь от своего занятия, смиренно сидела, склонив к пяльцам голову, но с последним ударом маятника, баронесса отложила рукоделье, вскинула голову, медленно поднялась и вышла из комнаты.

– Простите, – Наталья вылетела вслед за сестрой, догнала ту в коридоре, – Куда ты? Постой!

Но Зиночка будто скользила по полу, не перебирая ногами.

– Домой, – точно прошипела она, обернувшись на миг, так что Наталья успела заметить тот же страшный взгляд.

– Зина! Зи-на! – это кричал бежавший вдогонку несчастный Александр, – Не уходи! Остановись!

Но девушки уже и след простыл, лишь подол воздушного белого платья мелькнул за поворотом.

Подоспел Пётр, он предложил всем отправиться по следам Зиночки, тем более что извозчик дожидался его в экипаже. Так и сделали.

Зиночка быстро, страшно быстро шла по заснеженным

улицам. Её меховая накидка развевалась на ветру, и за разлетающиеся полы её набивался снег. Скорость Зиночки была такова, что извозчик едва поспевал за ней. Дорога показалась Наталье Осиповне смутно знакомой, и точно – Зинуля – или кто это был – привела их к дому князя Гуранова.

Пролетев мимо швейцара, обеспокоенного появлением незнакомой барыни, Зиночка вошла внутрь. Стремглав выбежав из кареты, Наталья Осиповна, Александр и Пётр бросились следом, ещё более напугав швейцара.

Зиночка стояла посреди парадной, озираясь по сторонам. Лицо её сияло жутковатым серебристым светом, глаза улыбались, губы что-то нашёптывали.

Александр порывистым движением устремился было к жене, но Наталья удержала его за руку.

– Стой! Вряд ли она замечает нас... Лучше последим за ней.

– Где ты? Где ты? Где ты? Где ты? – повторяла Зиночка.

– Она кого-то зовёт, – прошептал Пётр.

– Где ты? Где ты? Где ты? – голос становился всё сильнее и громче, на шум сбежались слуги и кое-кто из жильцов.

Зиночка подходила к каждому, оглядывала с ног до головы туманным взором и спрашивала:

– Кирюша, ты ли это?

Александр весь вспыхнул.

– О ком она говорит?

Наталья Осиповна глубоко дышала, чтобы замедлить клокочущее сердце.

– Александр Генрихович, это не ваша жена, кто-то говорит её устами.

– Вы хотите сказать, что в Зизи кто-то вселился? – произнёс барон полушёпотом, но вышло громко, и Зиночка повернулась к нему. Глаза её, округлившись и вытаращенные, налились кровью, и, поймав взгляд изумлённого Александра, девушка подскочила к нему.

– Сынок! Сынок! Отомсти! Отомсти! Отомсти! – ухватила за лацканы его пальто, дёрнула и начала оседать вниз, – Отомсти... – снова сдавленный хрип, как вчера вечером, и Зиночка упала без чувств.

– Немыслимо! – воскликнул Пётр и бросился поднимать девушку. Александр же не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

Среди собравшихся появился Корницкий. История повторялась.

– Господа! Прошу вас, нужен воздух! Прошу вас, расступитесь. Господа!

– Что же вы, сударыня, за старое? – с улыбкой спросил граф, когда Зиночка открыла глаза на диване в его гостиной. Наталья Осиповна, барон и Пётр сидели рядом в креслах.

– Зизи! – Александр в ту же секунду, что жена его очнулась, обнял её крепко-крепко...

– Где я? – Зиночка приподнялась на локте, – Как кружится голова...

Всё следующее утро Наталья Осиповна пробыла в церкви, молилась за Зиночку. Лёгкая шаль, накинутая на голову, не позволяла княжне видеть стоящих справа и слева от неё, и

потому Наталья слегка вздрогнула, услышав над ухом знакомый голос.

– Доброе утро, княжна.

– Евгений Платоныч! Доброе утро.

– Как чувствует себя Зинаида Осиповна? – Наталье показалось или интонации голоса действительно были насмешливы?

– Лучше немного, спасибо, – граф был гораздо выше неё, и Наталья Осиповна ощущала его пристальный взгляд на себе, но не решалась поднять глаз.

– Утро нынче чудесное: снежок искрится на солнце. Не изволите ли пройтись после заутренней?

Эти слова пронзили Наталью Осиповну насквозь.

– Отчего же не пройтись? – нет-нет, не она произнесла эту фразу. Не её губы растянулись в неприлично широкой улыбке.

Глава четвёртая

Утро действительно было чудное: и снежок искрился, и небо сияло лучами, и украшенные инеем деревья, склонив друг к другу ветви, образовывали белоснежный купол, Наталья Осиповна с Корницким неспешным шагом прогуливались под его сенью. Поначалу говорил один граф, а затем уж и княжна, осмелев, вступила в его монолог.

Порядком замёрзнув, молодые люди взяли извозчика.

Подъехав к дому Анны Григорьевны, Корницкий сам открыл перед Натальей Осиповной дверцу экипажа и, как только княжна оказалась на земле, заговорщицким шёпотом произнёс:

– Сделаемте традицией наши прогулки!

«Нет, нет, нет...» – говорили приличия. «Да, да, да!» – взывало неразумное сердце.

– Евгений Платоныч!.. Тётушка, наверное, уже хватились меня. Нехорошо. Прощайте, – и быстрыми мелкими шажками засемила к парадному входу.

– Ай-ай-ай, голубушка! – недовольно качала головой Ан-

на Григорьевна, – Что же ты, мой свет, делаешь? Да где это видано, чтоб молодая девушка с женатым человеком одна в коляске ездил? Заметил вас кто-нибудь?

– Да Бог с вами, тётушка! – Наталья Осиповна уже рассказывалась в своём столь неосмотрительном поступке, – Этого больше не повторится, – она смиренно поклонилась и вышла из комнаты.

Вечером Анну Григорьевну навестила её приятельница, взяв с собой Ольгу и Ксению. Уединившись с подругами в своей комнате, Наталья Осиповна поведала им о сегодняшнем своём приключении. Девушки в один голос осудили её поступок, втайне завидуя. Наталья Осиповна твёрдо решила не иметь впредь никаких отношений с графом Корницким.

Тётушкина приятельница с внучками уехала, дом опустел, но Наталья любила эту упоительную тишину, устанавливающуюся после приёма гостей. Княжна сидела в малой гостиной, вышивала, греясь у камина. Послышались шаги, и на пороге показался Александр.

– Княжна! Не уделите ли вы мне пару минут вашего внимания?

Наталья Осиповна встрепенулась, убрала нитки и пяльцы.

– Конечно, барон. Вас что-то беспокоит?

– Увы, моя жена, – кивнул он.

– Я давно хотела поговорить с вами о ней, – осторожно начала Наталья Осиповна, – Вы ведь не поверили домашнему доктору, заключившему, что Зиночка в прошлом году впала в обморочный сон?

Александр вздрогнул и сокрушённо помотал головой.

– Я не знал, что и думать: она лежала в гробу, я видел её мёртвой, я просил прощения перед ней на коленях...

– Ваша жена воскресла, Александр Генрихович, и воскресила её я при помощи амулета.

При этих словах барон вытер платком выступившую на лбу испарину, поднялся из кресла и нервической походкой зашагал по комнате.

– Амулет? Что? Что вы такое говорите, дорогая Наталья Осиповна? Кто вы? – вдруг почти закричал он, подскочил к княжне, встал на одно колено и близко-близко поднёс к ней своё лицо, – Вы ведьма? – шёпотом спросил барон.

– Нет, встаньте, прошу вас! – Наталья поднялась сама и отошла от Александра на несколько шагов, – Я расскажу вам эту историю, и никто, кроме вас и меня не будет её знать. Слушайте!

Поведав фон Крафту о графине Воронцовой, Каримском и коллекции его матери, Наталья Осиповна оставила барона одного поразмыслить над услышанным. Проходя через анфиладу залов, княжна бросила взгляд в один из них. Помещение освещала лишь одна свеча, теплившаяся в углу комнаты.

Наталья засмотрелась на причудливой формы косые тени предметов, как вдруг в центре, на большом круглом столе она увидела гроб. Не веря своим глазам, Наталья Осиповна вместо того, чтобы бежать прочь от жуткого зрелища, как сделал бы любой на её месте, ведомая некоей внутренней силой, приблизилась к страшному предмету. О, ужас! В гробу лежала Зиночка. Наталья Осиповна истошно завопила, в мгновение ока примчался Александр и слуги.

– Гроб! Зина! Там – Зина... – её рука указывала в сторону стола, но повернувшись к нему, Наталья обнаружила, что тот пуст.

На следующее утро княжна выглядела бледной, за завтраком почти ничего не ела и не говорила.

– Прогулялись бы, девочки, – предложила тётушка сестрицам.

– Прогуляйтесь, и, правда, Зизи, покуда я смотрю дом, – поддержал тётушку Александр: супруги собирались купить особняк в Петербурге.

– Конечно, – кивнула уж слишком румяная для утра Зиночка, – Ты согласна, Наташа?

Они шли медленно, несколько напряжённая Наталья и странно радостная, улыбающаяся Зиночка. Наталья Осиповна всё ждала, что вот-вот, что-нибудь да произойдёт, но сестра её говорила, как и всегда прежде, не переставая, без умолку, так что княжна почти забыла свои тревоги. Поэтому испуг от внезапной перемены молодой баронессы был столь сильным, что Наталья едва не убежала прочь. Остановившись, Зиночка медленно повернулась к сестре. Лицо молодой девушки искажалось на глазах до неузнаваемости: волосы её поседели, изменился взгляд и черты лица.

– Господи! – только и смогла, что прошептать Наталья Осиповна, непроизвольно прикрыв ладонями рот.

Теперь на месте Зиночки стояла немолодая седовласая женщина с тяжёлым пристальным взглядом из-под толстых полукруглой формы бровей. Губы её были плотно сжаты, и всё лицо выражало то ли отвращение, то ли какой-то вызов. Наталья не могла оторвать глаз от этой женщины, она даже не решилась бы назвать её Зиночкой.

Глава пятая

– Мечь! Мечь! Мечь! – зашипела женщина, надвигаясь на княжну.

– Зина! Зи-ина! – закричала Наталья и бросилась наутёк.

– Наташа! Что с тобой? – это была уже та же Зиночка, ласково и чуть недоумённо улыбающаяся сестре.

Тут уж Наталья накинулась на Зиночку.

– Ты ли это? Помнишь ли ты что-нибудь? Отвечай!

Зиночка совершенно растерялась.

– Не пойму я что-то тебя, Наташа. Ты в последнее время какая-то странная. Уж не больна ли ты?

Наталья Осиповна помотала головой.

– Нет. Увы, больна не я.

Вечером был бал в Дворянском собрании. Как ни удерживали Зиночку дома, а всё же она тоже поехала. Более всего Наталья Осиповна опасалась за её здоровье да ещё это предчувствие встречи с Корницким... На ней было восхитительное тёмно-синее платье с турнюрором и живая лилия в волосах. Разумеется, граф прибыл на бал и был ещё великолепнее, чем когда-либо: чёрный фрак и белоснежная сорочка, жилетка и галстук смотрелись безупречно.

В танцевальной книжечке Натальи он был записан два раза. Вальсируя, Корницкий не сводил с княжны влюблённых глаз, а под конец сказал:

– Я очарован, Боже, – он слегка вскинул голову, – как же я очарован вами, Наталья Осиповна.

Потом он напросился к ним в гости и уже на следующий день, пересыпая свою речь шутками и анекдотами, безза-

стенчиво болтал о том, о сём в гостиной Анны Григорьевны.

Тётушке Евгений Платоныч не нравился, но ведь он был московский гость, и необходимо было соблюсти приличия, к тому же он имел столько связей в высших сферах! Корницкий посетил их и на следующий день, и через день, а затем и каждый день в течение недели.

Раза два ему встречался Василевский, тот, как всегда был добродушен и смешлив, но чуть унылее, нежели прежде. Зиночке нездоровилось, и она почти всё время проводила у себя в комнате, читая или размышляя о своём.

Однажды, в один из тех вечеров, что Корницкий проводил в доме Анны Григорьевны, он и Наталья Осиповна на несколько минут остались наедине. Граф поспешно подошёл к княжне, та сидела за фортепьяно, упал на одно колено, взял её руку в свою и горячим, сбивчивым шёпотом произнёс:

– Вы божественны... Но, мне кажется, одиноки. Вокруг вас множество людей, но в свете одни маски, сплошь притворство и ледяные пальцы. Ваша кожа обжигает меня, знали бы вы, Наталья Осиповна, как мне не хватает тепла... – с этими словами он запечатлел долгий и ласковый поцелуй на ладони княжны. Не успела она проговорить и слова – впрочем, она и не ведала, что сказать – как в коридоре послышались шаги, и граф быстро занял место на диване.

Но кто-то шёл не в гостиную, а мимо, очень быстро. Затем раздался звук ещё чьих-то шагов и надтреснутый голос Александра:

– Зизи! Постой! Господи, что же с тобой такое?!

Наталья Осиповна взглянула на часы – половина восьмого. Неужели, как и в прошлый раз!?

– Евгений Платоныч, принимайте гостей! – протараторив эти слова, княжна, невежливо выбежала из комнаты, не попрощавшись, и, увидев впереди стремительно несущегося по коридору Александра вслед за почти парящей над полом Зинойчкой, бросилась за ним.

Наталья Осиповна догнала Александра, и, поймав извозчика, они помчались к дому Гуранова.

На первом этаже Зинойчки не оказалось.

– Я знаю, где она! – воскликнула Наталья Осиповна и, торопясь, стала подниматься вверх по лестнице.

Зинойчка находилась там, где и предполагала Наталья: девушка стояла перед фамильным портретом Каримских и плакала навзрыд. Взгляд Натальи Осиповны невольно оста-

новился на лице немолодой женщины на портрете: волосы с проседью, тяжёлый взгляд, густые брови. Да это же в неё превратилась Зинуля, когда они прогуливались вдвоём с Натальей!

– Господа! – громко позвал Корницкий – он приехал следом, – Объясните же мне, что происходит!

– Кирюша, ты? – Зиночка обернулась к нему, черты её снова изменились, теперь-то было видно совершенно всем: она и женщина на портрете имели поразительное сходство, как две капли воды.

– Отомсти, сынок!

Корницкий стоял, раскрыв рот.

– Она безумна! Боже мой!

– Зина! – окликнула Наталья, и женщина исчезла.

– Наташенька, Саша! Что со мной? – Зина тяжело дышала и сделалась мертвенно бледной.

– Поедем скорее домой, – встревожено-испуганно произнёс барон и подхватил то и дело норовящую упасть в обмо-

рок жену.

Они как-то поспешно уехали вдвоём, оставив Наталью Осиповну наедине с Корницким второй раз за этот вечер.

Глава шестая

Позже, вернувшись домой в этот сумасшедший день, Наталья Осиповна не могла вобрать в голову все события, произошедшие после отъезда фон Крафтов из дома князя Гуранова.

Наталья Осиповна ворвалась в дом тётушки совершенно счастливой, с блестящими глазами и расплывающимися в дурацкой улыбке губами. Но волею судеб, никто в тот вечер не заметил ни отсутствия княжны, ни её позднего возвращения, ни её затуманенного любовью взора.

В Зиночку вселился бес, в этом были уверены все, начиная с тётушки и заканчивая прислугой. Волосы молодой баронессы поседели, к глазам прилила кровь, и, тяжело дыша, она неустанно бормотала, едва приоткрыв рот: «Сыночек, сыночек, сыночек...» Послали за доктором и священником.

Первый по приезду развёл руками и, заявив, что медицина в подобных случаях бессильна, уехал. Священник провёл возле кровати больной всю ночь и наутро предложил прове-

сти обряд изгнания беса.

Тётушка, подумав немного, согласилась, а бедный супруг Зиночки до того опечалился, что не знал, кого слушать и на что соглашаться. Наталья Осиповна, проведя бессонную ночь, будучи в раздумьях то о графе, то о сестрице, надумала, наконец, отговорить Анну Григорьевну от скорейшего прогонения беса и дожидаться половины восьмого вечера – авось, что-нибудь и случится.

Сделав задуманное и выдворив священника, Наталья не отходила от постели Зиночки, но вот и день прошёл, и часы пробили половину восьмого, а только больная заснула да и не просыпалась вплоть до следующего утра.

Так безрезультатно прошло ещё три дня. Зиночка чувствовала себя лучше и уже выходила на неспешные прогулки то с Александром, то с Натальей Осиповной, то с ними обоими.

На четвёртый день в гости пожаловал Пётр. Графа Наталья больше и не видела, хотя из-за Зиночкиной болезни она совсем перестала бывать в свете. Правда, сама Наталья Осиповна, сперва страстно желавшая свиданья с Корницким, по прошествии нескольких дней, уверилась в ненужности их встречи и даже некоей неловкости.

Поначалу в гостиной сидели втроём: Наталья, Пётр и тётушка.

Василевский объявил, что разучил одну прелестную пьеску и, снова извинившись за свою немзыкальность, сел за фортепьяно. Под нескладные звуки нещадно терзаемого инструмента в комнату вошли фон Крафты. Зиночка похорошела, седина в волосах пропала, и девушка даже попыталась подпеть Петру. После чая с конфектами, которые принёс Василевский, решено было играть в преферанс. Слуга распечатал новую колоду, и тут ударили часы: половина восьмого. Наталья Осиповна кинула быстрый взгляд на Зиночку и внутренне напряглась, даже вцепилась мгновенно одеревеневшими пальцами в столешницу.

Зиночка, говорившая что-то, остановилась на полуслове, вздрогнула и ринулась к двери.

– Барон! – вскрикнула Наталья, и Александр тут же закрыл дверь, загородив её спиной.

– Дорогу! Дорогу! – шипела Зиночка и колотила руками то по груди мужа, то по стене.

– Тётушка, как звали мать Каримского? – спросила Наталья.

– Екатерина... – принялась вспоминать Анна Григорьевна, – Екатерина... Дай Бог памяти!

– Прочь! Прочь! – кричала Зиночка, вперившись своим страшным взглядом в глаза Александра. Тот держался из последних сил.

Ошеломлённый происходящим, Пётр, застыв на месте, читал про себя молитву.

– Только не называйте баронессу по имени! – произнесла Наталья, – Тётушка, вспомнили?

– Екатерина... Екатерина Прокофьевна!

Наталья Осиповна медленно подошла к Зиночке.

– Екатерина Прокофьевна!

Кулачок, стучавший по стене, остановился в воздухе. Девушка медленно развернулась, Наталья ожидала снова увидеть лицо княгини Каримский, но этого не случилось.

– Что? – вполне миролюбиво вымолвила Зиночка или княгиня.

– Екатерина Прокофьевна, – повторила Наталья, и голос её дрожал, а колени, сокрытые юбками, тряслись, – Кому

ВЫ ХОТИТЕ МСТИТЬ?

– Тем, кто украл мои драгоценности! Все они прокляты!

– Но ваш сын, Кирилл Алексеич, отомстил Воронцовым, – осторожно заметила Наталья.

Каримская исказила рот Зиночки и прокричала:

– Не верю!!! – затем она свела голос почти на нет и прошептала:

– Кто-то впервые за пятьдесят лет воспользовался амулетом не по старшинству. Кто-то воскресил дальнего родственника, а не меня. Я отомщу вам. Мой сын отомстит вам, – испустив короткий стон, Зиночка упала.

После того, как Александр отнёс жену в спальню и вернулся, все: Наталья, тётушка, барон и Пётр договорились, что ничего о сегодняшнем происшествии не выйдет за порог дома Анны Григорьевны.

Следующую ночь Наталья Осиповна снова провела без сна. Она думала о спасении Зиночки, о мести вселившейся в неё княгини Каримской. «Она хочет, чтобы её сын отомстил Воронцовым за кражу фамильных драгоценностей, то есть графу Воронцову. Значит, ей неизвестно, что Кирилл Алек-

сейч уже сделал это. И тоже мёртв. Получается, что он должен сообщить матери об отмщении, раз она не верит мне. Получается, что надо ехать в имение».

Глава седьмая

Они отправились на рассвете: Наталья Осиповна, Александр, Зиночка, пребывавшая пока в обычном состоянии, и Пётр, сидевший на козлах вместо кучера во избежание излишней огласки.

Князя Сухимские были одновременно удивлены и обрадованы внезапным приездом дочерей и их спутников. В господском доме пахло сушёными грибами и было намного теплее и уютнее, чем в большом промозглом Петербургском особняке. Старая княгиня Зацепина вместе с Алевтиной Тимофеевной долго не отходили от молодых людей, наполнивших дом неповторимой атмосферой молодости.

В спальне Натальи Осиповны всё было по-прежнему, даже кофейная чашка стояла на столике у кресла. Фон Крафтов поселили в комнату, где останавливалась Марья Филипповна с семьёй, Пётр занял гостевую – бывшую Зиночкину горницу.

Ровно в семь молодые люди после ужина собрались у фон

Крафтов. Зиночка вела себя спокойно. Снова играли в преферанс. Пётр и Александр сидели поближе к двери, чтобы чуть что заслонить её собой.

Подкрадывалась половина восьмого. Наталья Осиповна поднялась и громко позвала:

– Кирилл Алексеич!

Никто не отозвался.

– Кирилл Алексеич!

Ровным счётом ничего.

– Кирилл Але...

«Избавьтесь от остальных» – кто-то проговорил прямо в ухо княжны. Она вздрогнула.

– Вы слышали? – спросила она и завертела головой по сторонам.

– Нет. Нет. – закачали головами барон, Пётр и Зиночка.

– Прошу вас, подождите меня снаружи и открыла дверь.

Часы начали бить: бом, бом, боммм...

Зиночка покидала комнату последней, как вдруг какая-то сила захлопнула перед нею дверь.

Бооооооооо!!... – раздался последний удар. Зиночка часто задышала и превратилась в княгиню.

– Кирюша! Мальчик мой!

Перед Натальей Осиповной возникла полупрозрачная фигура Каримского.

– Мама!

– Где ты, Кирюша? Я чувствую, ты здесь!

– Мама, вот же я, перед тобой.

– Не слышу, не слышу, милый.

– Мама! Мама! Я уж не тот, каким ты меня помнишь!

– Кирюшенька, где ты, голубчик! Не слышу и не вижу тебя! – княгиня сновала туда-сюда по комнате, натыкаясь на

все попадающиеся на пути предметы и ощупывая их старыми, подагрическими пальцами.

– Маменька, маменька! – призрак всхлипнул совсем по-детски и исчез.

– Зина, Зинуля! – закричала княжна.

– Её больше нет! – взвизгнула Каримская и уставилась на Наталью сверкающими злыми глазами, – Мечь! Моя мечь страшна!

– А-а-а! – закричала княжна и застучала кулачками по закрытой двери.

– Теперь твоя очередь! – злорадно прохрипела Каримская и сдавила своими бугристыми пальцами шею Натальи, та могла лишь лихорадочно глотать воздух и скрестись ногтями по двери.

Дверь открылась рывком, на пороге стоял Пётр. Он тут же схватил княгиню за руки и отцепил её от Натальи. Глаза Каримской с большей силой налились кровью, и она набросилась на Василевского, тот увернулся и швырнул мстительницу в угол.

– Наташа!

Княжна не могла отдышаться, шея её пылала и будто сама продолжала сжиматься.

Зиночка, лежащая на полу, неуклюже поднялась, подбежала к сестре. Петр настороженно следил за ней.

– Наташа, Наташа! Я видела привидение!

Было решено поместить Зиночку в комнату без окон и с крепкими дверьми, у которых поставили слугу, Александр устроился в соседней комнате и всю ночь прислушивался к звукам из спальни жены, но та, кажется, вела себя спокойно.

Это была очередная бессонная ночь подряд. Под глазами Натальи Осиповны образовались синеватые мешки, взгляд потускнел.

Княжна переделалась в длинную ночную сорочку, расчесала волосы, как в дверь постучали. Она накинула сверху бархатный пеньюар и крикнула «Антре». Сквозь дверь проник призрак Каримского.

– Доброй ночи, Наталья Осиповна! – он присел на по-

стель, княжна не сразу заметила, что он не касается поверхности кровати.

– Доброй ночи, князь.

– Давненько вы здесь не были, Наталья Осиповна, – промолвил, тяжело вздохнув, Каримский.

– И как вижу, ничего не изменилось: вы по-прежнему не обходитесь без длинных предисловий.

– Княжна, – призрак сокрушённо покачал головой, – это столичный воздух так подействовал на вас? Вы сделались дерзки.

– Неужели вы, Кирилл Алексеич, не понимаете, что Зиночка нездорова! Ни о чём, кроме этого обстоятельства, я не могу сейчас говорить!

– Увы... – пожал плечами князь и грустно улыбнулся, – вечность скучна, моя дорогая племянница... Не с кем побеседовать о былом. Но-но, простите старика! – предупредил он ответную реплику Натальи, – Вот вам пища для размышлений, – он выжидающе замолчал, – Отсутствие спешки заставляет нас быть медлительными, простите. Так вот. Маменька моя вселилась в Зиночку оттого, что вы, княж-

на, воспользовались амулетом и воскресили сестру прежде, чем я оживил маменьку. Это вы уже знаете, – Наталья кивнула, – Но ведь я и не мог оживить её – драгоценности были похищены. Затем я поквитался с обидчиками и поплатился сам. Маменьке сие неизвестно, стало быть, ежели вам удастся устроить нам с ней встречу, и я расскажу ей о том, что уже отомстил всем, кто того заслуживал, Зиночка станет такой, как прежде.

– Господи, – всплеснула руками Наталья, – да как же это сделать? Ведь матушка ваша не видит и не слышит вас!

– Найдите амулет и воскресите нас.

Глава восьмая

В эту ночь Наталья всё-таки уснула, но даже во сне она думала, где может находиться амулет. Она проснулась рано и, будто влекомая кем-то, подошла к столику, подняла кофейную чашечку, стоящую на нём. В чашечке плескался недопитый кофе. «Как странно!» – пронеслось в голове у княжны, – «Слуги не могли этого допустить, а я не пила кофей...» Пальцы Натальи Осиповны, ещё не послушные после сна, дрогнули, и кофе выплеснулся на столик. Княжна не успела

огорчиться, что испачкала мебель, как тёмная жидкость исчезла. «Это её чашечка!» Не зная, зачем, точно повинувшись чьей-то чужой воле, княжна опустила указательный палец в кофей, тот словно рассеялся и на дне, на месте кофейной гущи Наталья Осиповна, вне себя от радости, обнаружила амулет.

После завтрака Наталья Осиповна рассказала о своей находке и об их дальнейших действиях Петру и Александру. Княжна поразилась готовности, с какой молодые люди решились на поездку обратно в Петербург за тем, чтобы откопать тело княгини Каримской и привезти его в имение. Не медля ни секунды, они отправились в столицу.

Три дня, которые Наталья провела в родительском доме, показались ей адом. Каждый вечер являлась княгиня Каримская и со страшной нечеловеческой силой колотила в дверь – ведь она была заперта в комнате. Родители ни о чём не догадывались, так как днём Зиночка вела себя как обычно и ни в кого не превращалась. Вечером, часов до семи, её отводили в комнату, приносили еду и питьё, Наталья Осиповна читала ей что-нибудь, но как только часы показывали начало восьмого, княжна поспешно удалялась под каким-нибудь предлогом – Зиночка же ничего не помнила – и запирала дверь снаружи.

Последний вечер перед возвращением Петра и Алек-

сандра особенно запомнился Наталье. Она засиделась в комнате сестры и поэтому перепугалась, услышав первый удар настенных часов.

– Куда ты? – как всегда, удивилась Зиночка, – посиди ещё чуть-чуть, – она удержала Наталью за рукав, – Помнишь, я говорила тебе, что видела привидение? Наверное, ты не поверила, но... Это был мужчина, красивый, высокий, немолодой... Господи, да это же был князь Кирилл Алексеич! – зрочки Зиночки возбуждённо забегали, – Он же пропал, а я видела его! Нет, этого не может быть! Вот, что я хотела тебя спросить – Зачем вы откопали моё тело??? – на Наталью Осиповну зло смотрели глаза Екатерины Прокофьевны.

– Вы увидите сына, княгиня. Пожалуйста, подождите немного, – осторожно отступая на шаг назад, произнесла Наталья.

– Кирюшу? – кажется, и голос, и взгляд Каримской подобрили.

– Да, – кивнула княжна, – я исправлю свою ошибку и воскрешу вас, но, – Наталья колебалась перед тем, как промолвить следующую фразу, – при одном условии.

– Каком? – нетерпеливо спросила княгиня и приблизи-

лась к Наталье.

– После встречи вы выпьете яд и умрёте, иначе это будет противоречить законам природы.

– А как же эта девушка?

– Зина? А что Зина? – осмелев, переспросила Наталья Осиповна.

– Жизнь её так же противоестественна, ведь она уже умерла некоторое время назад.

– Я прошу вас, – взмолилась Наталья, – Вы и Кирилл Алексеич довольно пожилы, многое повидали, а Зинуля... Ей всего семнадцать, она совсем ещё ребёнок.

– Хм. Хорошо. Но что ты можешь предложить взамен? – подняла одну толстую бровь княгиня.

– Вы требуете слишком высокую цену.

– Как и ты. Ты даруешь нам жизнь и тут же заставишь лишиться её. Пожертвуй же тем, что сейчас есть у тебя самого ценного!

– Серёжки? – удивилась княжна, – Браслет?

– У тебя странное понятие о ценностях, милая. Ну, так как, договорились?

– Договорились, – секунду помедлив, кивнула Наталья.

Останки княгини Пётр и Александр не рискнули вынуть из гроба и привезли в нём, заплатив большие деньги сначала кладбищенскому смотрителю и паре рабочих, которые сделали всю грязную работу в мёрзлой зимней почве, а затем и за длинный экипаж.

Гроб из экипажа не вынимали до самой ночи, а с наступлением сумерек, вооружившись лопатами, молодые люди вышли к беседке. Но работа не ладилась. Сначала нужно было выкорчевать из ледяной земли скамейку, под которой находилось каменное надгробье могилы сына графини Воронцовой. Там, если верить князю Каримскому, под каменной плитой и покоилось его тело.

– Стойте, господа! – не выдержала Наталья сорок третьей минуты безуспешных попыток работы на морозе, – Я думаю, что достаточно будет оживить лишь княгиню.

Всё состоялось в комнате, где уже который день томилась Зиночка. Она очень испугалась и гроба, и полуистлевшего скелета в нём, к тому же распространившийся по всей комнате запах был омерзителен.

Наталья Осиповна поцеловала амулет, а затем приложила его к губам, то есть к зубам скелета.

Барон, Василевский, Наталья и Зиночка, затаив дыхание, ждали результата.

Кости на глазах светлели и покрывались мясом, обвивались сосудами, сухожилиями и нервами. По мере того, как происходили все эти чудеса, Зиночку крутила и вертела неведомая внутренняя сила, словно выходящая наружу.

Под конец на теле бывшей покойницы появилась кожа, мгновенно выросли волосы и ногти. Княгиня Екатерина Прокофьевна Каримская лежала перед четырьмя молодыми людьми голая, но живая.

– Накиньте! – Наталья Осиповна бросила женщине пеньюар.

К тому времени, как Екатерина Прокофьевна оделась, Зиночка стояла вся порозовевшая, улыбающаяся и абсолютно

здоровая.

– Кирюша! – взгляд княгини потеплел, кажется, ей явился сын, но никто, кроме неё, его видеть не мог, включая и Наталью Осиповну.

Молодые люди покинули комнату, чтобы оставить мать с сыном наедине. Вернувшись, они обнаружили мёртвое тело княгини и рядом, на столике – осушённый бокал воды с растворённым в ней мышьяком и записка, написанная неровным старомодным почерком: «Дорогая Н.О., я уйду навсегда. Любите родных, пока они живы. Не забывайте долгов. Княгиня К.»

Глава девятая

Прошло несколько недель после того, как Наталья Осиповна, Зиночка, Александр и Пётр вернулись в Петербург.

Фон Крафты купили большой дом совсем рядом с особняком тётушки и жили в счастье и согласии друг с другом. Тётушкина приятельница выдала обеих своих внучек – Ксе-

нию и Ольгу – замуж за состоятельных и весьма влиятельных в столице людей.

Графа Корницкого Наталья Осиповна не встречала более, так как супруга его захворала, и Евгений Платоныч вынужден был срочно покинуть Петербург. Поговаривали, конечно, что жена лишь притворялась больной, дабы вернуть ветреного мужа домой и держать подле себя – кто знает?

Никакие привидения Наталье Осиповне больше не являлись. Амулет был положен в гроб княгини Каримской и похоронен вместе с ней, чтобы впредь не нарушать естественного хода событий. Загадка о местонахождении драгоценностей графини Воронцовой так и осталась не разгаданной, однако Марья Филипповна, вдова Каримского, упоминала в последнем письме о том, что сынок их, Алёшенька, играя в прятки, нашёл за печкой некую старинной работы шкатулку, открыть которую, впрочем, всеми известными способами не представляется возможным. Поэтому шкатулку эту так и оставили пылиться за печкой.

В жизни Натальи Осиповны тоже произошли изменения. Она вдруг начала хуже себя чувствовать, появились тошнота и головокружение, и в скором времени стало ясно, что княжна беременна. Наталья Осиповна не находила себе места, она совершенно не знала, как сообщить об этом тётушке. Огласка ещё более пугала княжну. Много времени она провела в слезах в своей комнате, боясь выйти, хотя фигура её ещё со-

всем не изменилась. И вот однажды погожим морозным вечером, когда за окнами тихо падал снежок, слуга объявил о прибытии господина Василевского.

Тщетно Наталья пыталась припудрить красные, опухшие от слёз глаза, прибрать волосы – все черты её выдавали растерянность и грусть. Всё же ей пришлось выйти к гостю, Анна Григорьевна уже заняла своё место в уголке, а Пётр стоял посреди комнаты, всем своим туловищем подавшись вперёд, к двери, в которую мягко, осторожно ступая, вошла княжна.

Василевский, сбивчиво и сильно волнуясь, предложил Наталье Осиповне руку и сердце. Тётушка вытирала слёзы умиления, но когда Пётр замолчал, княжна пожелала переговорить с ним наедине. Они вышли, не обращая внимания на перепуганную таким поворотом событий Анну Григорьевну, и обосновались в гостиной, убранной в японском стиле.

– Пётр Игнатьич, прежде позвольте мне кое о чём предупредить вас, – дрожащим голосом произнесла Наталья, глядя прямо в глаза встревоженному её поведением Василевскому, – Вы в праве возненавидеть или презреть меня, но вы должны меня выслушать, потому как я должна сказать вам это: я жду ребёнка. И... – она выставила перед собой ладонь, закрывая Василевскому рот, – Это ещё не всё. Ребёнок этот графа Евгения Платоныча Корницкого. Я совершила глупость, поддавшись порыву страсти. Я ненавижу себя за это, я падшая женщина, – Наталья Осиповна горько зарыда-

ла, заслонив лицо руками и падая перед Петром на колени, – Я омерзительна вам? Я омерзительна самой себе... – её плечи трясла мелкая дрожь.

Василевский опустился рядом, осторожно положил на плечи княжны обе своих руки и тихо сказал:

– Вы прекрасны, Наталья Осиповна. Я вопреки всему люблю вас.

Эпилог

Они поженились в начале апреля, когда сошёл снег. Свадьба была пышной, богатой, но радость жениха и невесты омрачалась недавно произошедшим событием.

В марте умер дальний родственник Василевского. Хоронили на том же кладбище, где покоилась княгиня Каримская. Наталья Осиповна с тётушкой тоже были на похоронах. Когда церемония закончилась, княжна, проходя мимо могил, бросила взгляд на один из памятников и остолбене-ла. Тяжёлый взгляд из-под густых бровей испепелял и казался живым. Внезапно Наталья почувствовала сильную боль в

животе. То, что произошло дальше, было одновременно избавлением и несчастьем. Пётр уже свыкся с мыслью о своём будущем отцовстве и всею душой, что было ему свойственно, заранее полюбил ребёнка.

Никто, кроме Натальи, Петра и доктора, не узнал о потере ребёнка, как и о его существовании. Утрата была горькой, Наталья Осиповна пролежала в постели два дня, сказавшись простуженной. Но когда на второй день её «болезни» приехала Зиночка, живая и здоровая, княжна обняла сестру и улыбнулась. Легко – впервые за долгое время.

А за окном звенела капель – предвестница новой жизни.

3 часть

Два века разлуки

Глава 1

Под колёсами автомобиля тихо шуршала трава. Стояли последние майские деньки, всё горячее припекало солнце, природа преображалась и жизнь казалась прекрасной.

«Ауди» плавно притормозила у парадного входа большого двухэтажного дома, прячущегося в буйной зелёной растительности старого парка. Анна открыла дверь и ступила на землю. Уфф!.. Когда-то здесь жила дворянская семья, по этой самой дорожке, где теперь стоит девушка, ходили люди в старинных платьях и костюмах, они говорили по-другому, думали по-другому, жили...

Ещё со школы Аня обожала историю, особенно российскую, девятнадцатого века. Всю жизнь её сердце замирало, как только она ощущала почти невидимую, неосязаемую ниточку, связь с прошлым: ей снилось, что она перенеслась на приём к Екатерине Второй, на бал к Александру Первому, она окуналась в этот таинственный манящий мир прошлого, читая романы Толстого, Тургенева, она любила Лермонтова... Любила его не как поэта, а как человека, которого когда-то знала, который когда-то знал её.

Нет, эта девушка не витала в облаках, не грезила о путешествиях во времени, однако уже давно какая-то сила звала её домой, в 19 век, в мир Кутузовских побед, декабристов,

золотого века поэзии, отмены крепостного права и зачатков рабочего движения. В мир, мечтающий о великих свержениях и воспитавший великих романтиков, эпоху, лишь предвкушавшую прогресс и не имевшую ни малейших представлений о том, как впоследствии всё это можно легко исказить.

Поэтому, из-за своей необъятной любви к прошлому, Анна была несказанно обрадована, когда её мама предложила махнуть им обеим в загородный дом отдыха, ведь он представлял собой старинную усадьбу, ныне оснащённую всеми современными бытовыми благами, но без утраты присущего господским поместьям вида. Особняк был поделён на несколько номеров с ваннами, спальнями и гостиной, в которых были оставлены некоторые сохранившиеся предметы бывшего интерьера, остальная мебель была стилизована под антиквариат.

Внизу располагалась общая столовая с длинным обеденным столом, стульями с высокими спинками и настоящим камином. Примечательностью парка была тенистая липовая аллея, старый господский пруд, фонтан посреди круглой зелёной лужайки и беседка в самом дальнем уголке со скамейкой с изогнутыми резными ножками. Стоимость проживания здесь, разумеется, была заоблачной, но Анина мама решила позволить себе всё это или – как она выразилась, «побаловать себя любимых».

После осмотра своего номера на втором этаже, принятия

душа и приведения себя в порядок мать и дочь спустились вниз к обеду.

За столом сидело несколько человек, повернувших все как один головы в сторону вновь прибывших в усадьбу. Здесь были и взрослые, и дети, и даже одна престарелая супружеская пара. Анна с матерью, поздоровавшись со всеми, заняли свои места рядом с весьма импозантным мужчиной в годах по правую руку и бритоголовым парнем, поспешно поглощающим еду, по левую руку.

Познакомившись со всеми присутствующими, мать и дочь принялись за аппетитную телятину с сыром, как вдруг сосед справа произнёс:

– А знаете, господа, я бывал здесь раньше.

Анну словно ударило током. Эту фразу уже кто-то произносил. Господи, да она же слышала её от такого же немолодого, но всё ещё привлекательного мужчины, вот так же сидящего за одним с ней столом... Девушка помотала головой, сбрасывая наваждение.

– Вы в этом доме отдыха во второй раз? – тем временем интересовалась у мужчины мама.

– Да, Надежда Андреевна, – кивнул тот, – В прошлый раз здесь, – и он склонился к её уху, однако, Анна всё же смог-

ла разобрать сказанные полушёпотом слова, – происходили странные вещи...

То же самое чувство дежавю пронзило Анну снова.

– ...Поэтому я и вернулся, чтобы всё разъяснить.

Надежда Андреевна улыбнулась на эту реплику своего соседа, но больше ничего не спросила.

После обеда Анна решила исправить оплошность матери и выяснить, что же за «странные вещи» творились в усадьбе – ведь интересно же!

– Владимир Яковлевич, – догнала она соседа, когда тот поднимался по лестнице, – какие события вы имели в виду?

– О! – обрадовано улыбнулся мужчина, – Ваша мама не придавала значения моим словам, а вы, значит... Да, молодость любознательна. Вот, послушайте...

Глава 2

Нет, не может быть! Аня чуть не подпрыгнула на месте.

Никогда раньше с ней не происходило подобного: ощущение, что она уже слышала ту или иную фразу или видела те или иные сцены, то и дело захлёстывало её и долго не отпускало так, что девушка словно выпадала из действительности.

– Это было год назад, примерно в это же время, – вещал Владимир Яковлевич, – Начали пропадать вещи, потом появлялись в самых неожиданных местах. Причём это были не те вещи, на которые мог бы польститься вор, – нет. Пропадали расчёски или мыльницы или даже, – он усмехнулся, – стулья. Какой-то жилец пришёл в свой номер и не досчитался одного стула – их должно быть четыре, спросил у своей жены, обслуживающего персонала, на худой конец – у соседей, ведь ему пришлось бы выплачивать стоимость пропавшего имущества, но никто стула не видел и не брал.

Несчастный ушёл в ванную – почистить зубы – был уже вечер, вернулся – стул на месте. А однажды у одной пожилой дамы исчезла шляпа. Знаете, такая старомодная, котелком и с цветами на боку. Кто-то видел, как эта шляпа парила в воздухе, в коридоре. Правда, было довольно темно, горели только две свечи в противоположных углах, и могло показаться всякое.

– Это вы видели? – Анна чувствовала, как замирает сердце.

– Увы, нет. Мне рассказывали. Сам же я наблюдал картину, как в столовой в камине сам вспыхнул огонь, но лишь на пару секунд, потом послышался звук шагов, который всё удалялся, будто кто-то убежал из комнаты, но в ней никого, кроме меня не было. Вот так-то, – рассказчик вздохнул и вытер рукой со лба испарину.

– Невероятно! – изумилась Анна, – Вы думаете, это полтергейст?

– Это ведь старинная усадьба, исторический памятник, так сказать. В таких привидения не редкость.

– Кто же здесь жил?

Глаза Владимира Яковлевича загадочно блеснули.

– А вот об этом новичкам повествует экскурсовод.

Экскурсоводом оказалась миловидная женщина немолодых лет с пышными волосами платинового цвета, уложенными в высокую причёску, назвавшаяся Елизаветой Тихоновной. Кроме Анны и Надежды Андреевны на экскурсию пришли ещё трое человек. Сначала им показали дом, а именно – комнаты, представлявшие интерес: библиотеку, холл, ка-

бинет с огромным напольным глобусом и кухню. Кухонь в доме отдыха было две – одна новая, оснащённая техникой, размещавшаяся на месте прежних хозяйственных построек, а другая – старая, почти полностью сохранившая свой интерьер двухсотлетней давности.

Затем Елизавета Тихоновна повела всех на улицу, где и начала свой рассказ.

– Земля эта с окрестными деревнями была дарована в начале 18 века Петром Первым своему преданному вассалу, который впоследствии женился, у него родился сын, который вырос и тоже женился, привёл в дом жену. У них родилось трое детей: два мальчика и младшая девочка. История пока самая обычная, и вот теперь с взрослением этих отпрысков графа начинается странная история. Неудача и горе не оставляет ни первого сына, ни второго. Все они умерли, как и их семьи. Младшая дочь, наконец, вышла замуж, родила ребёнка. Но опять – беда: сынок умирает от удушья, муж застрелился, и саму графиню сразил удар, – они подошли к беседке, – Здесь, под скамейкой, была обнаружена могила маленького графа.

– Откуда вам всё это известно? – спросил один из экскурсантов.

– В деревне был врач, грамотный и собиравший слухи. Он

и писал историю этого дома, пока был жив. Потом его дело продолжали его дети и внуки. На смену старым хозяевам приехали новые – князья Сухимские, – продолжала Елизавета Тихоновна, – Они купили этот дом и жили довольно счастливо некоторое время. У князя и княгини были две дочери, обе вышли замуж. Младшая уехала в Петербург, старшая также жила некоторое время в столице, а затем вместе с мужем вернулась сюда.

Что-то потеплело в груди у Анны при упоминании о старшей сестре. Странно, но, приехав в этот дом отдыха, Аня испытала чувство, подобное щемящей сердце грусти и неверию от возвращения в родные пенаты. Девушка оглянулась вокруг – как же всё ей близко, как радуется глаз при виде этих мест – заросшего пруда, липовой аллеи и... Нет, это просто... Она мгновенно отвернулась.

– ...У старшей сестры и её мужа родились дети, лет в тринадцать-пятнадцать их отдали в Петербургский университет, супруги остались одни с родителями жены. Потом что-то произошло, и она утопилась вот в этом пруду.

Глава 3

Вечером в своём номере мать и дочь обсуждали экскур-

сию.

– Но как же этот дом уцелел во время советской власти и войны? – недоумевала Надежда Андреевна.

– Нам же сказали, что сначала здесь жили какие-то революционные деятели, почти не меня обстановку...

– В то время, как сами протестовали против роскоши, – заметила мама.

– Да уж, – кивнула Анна, – в войну боевые действия здесь не велись, а потом дом сделали чьей-то дачей.

– Ну да – приближённых вождей, – согласилась Надежда Андреевна, – При Андропове – музей, который в годы перестройки пришёл в запустелое состояние, и был куплен спустя некоторое время этим... Как его?

– Гурановым, потомком старинного рода, вернувшимся из-за границы и превратившего музей в дом отдыха.

– Но всё же, – не унималась мама, – какая невероятная судьба у усадьбы! Ведь многие были сожжены, разворованы, разделены на коммуналки.

– Да, дому повезло... Мам, – проговорила Анна, задергивая шторы, – сегодня у пруда я видела... Мне показалось, что там стоял человек...

– Какой человек? – переспросила Надежда Андреевна.

– В камзоле и чёрном парике. Он улыбался.

– Да это, наверное, работник в костюме. Или отдыхающий, – предположила мама, – здесь выдают напрокат старинные костюмы. В них можно прогуляться, сфотографироваться или даже купить, но они очень дорогие.

– Нет, – покачала головой Аня, – не то. Это был призрак.

– О, ладно-ка тебе, – махнула рукой Надежда Андреевна, – Это ты этого мужика наслушалась? «Здесь происходили страшные вещи», – передразнила его она, – да? Ой, да ему делать нечего, скучно, может, он тут один, вот и развлекается, запугивая всяких молоденьких девушек.

– Ну не знаю, – пожала плечами Аня, – возможно. Поедем завтра на конную прогулку?

Утро выдалось солнечным и лучами разбудило Анну. Де-

вушка с трудом отняла голову от подушки, разлепила веки. «Я же зашторивала окна», – пронеслось у неё в голове.

– А-а-а! – слышалось из ванной.

Сон с Ани словно рукой сняло. Она побежала на крик. Посреди ванной комнаты стояла совершенно ошарашенная чем-то мама. На стене на месте, где должно висеть зеркало, была пустота.

– Я стала умываться, – говорила Надежда Андреевна дрожащим голосом, – наклонилась к раковине – зеркало было над ней, поднимаю голову – зеркала нет – и, ты не поверишь, чей-то смех. Анюта, ты вчера была права. Тут нечисто, мы сегодня же уезжаем!

– Но... – девушка не знала, что сказать, она знала одно – ей не было страшно: будто ей было ведомо, чьих рук все эти проделки, – Подожди. Давай спустимся вниз – поедим, а потом подумаем.

Мать согласилась, но неуверенно.

Анна хотела рассказать об инциденте Владимиру Яковлевичу, но его не было за завтраком. Надежда Андреевна несколько успокоилась, и потому они с дочерью отправились

на конную прогулку.

В берёзовой рощице было прохладно и свежо, макушки деревьев покачивались и поскрипывали ветви. Мать с дочерью чуть отстали от остальных, они решили отдохнуть и спешили.

– Какой воздух! – сделав глубокий вдох, произнесла мама, – не то, что в городе.

– Доброе утро, княжна.

Глава 4

– Что? Мам, ты слышала?

– Нет, а что?

– Доброе утро. Вы одни?

Перед ними стоял молодой человек лет двадцати пяти, ведущий под уздцы вороного.

– Да, мы... – начала Надежда Андреевна, – а вы наш сосед?

– Нет, я работаю на конюшне, решил прогуляться верхом. Вас проводить? Места здесь обманчивы – легко заблудиться. Разрешите, я составлю вам компанию?

Они медленно ехали, разговаривая по пути. Молодого человека звали Александр, он работал в усадьбе уже второе лето и работой был доволен. Надежда Андреевна не удержалась и рассказала ему о пропавшем зеркале и человеке, виденном Анной у пруда.

– Я не верю слухам, – ответил Александр, – со мной ничего такого не случилось. Хотя зеркало.., – он почесал затылок, – а вы уверены, что оно там было? Возможно, вы просто привыкли, что над раковиной всегда висит зеркало. А смех мог донестись из соседнего номера.

Александр проводил Анну с Надеждой Андреевной до конюшни, провёл маленькую импровизированную экскурсию по ней и, получив массу положительных эмоций, мать и дочь распрощались с приятным во всех отношениях молодым человеком.

У Ани было подаренное бабушкой изящное золотое кольцо с изумрудом, девушка его очень любила и потому носила

почти постоянно. Поздним вечером в этот день Анна сидела в своей спальне перед комодом с зеркалом, расчёсывала волосы и уже хотела снять с пальца кольцо, но, движимая какой-то силой извне, обернулась в сторону кресла, стоящего у противоположной стены. Прежде она видела сидящую в нём женщину с пышной, напудренной причёской и в старинном екатерининских времён платье, она даже говорила с ней... Господи! Анна нахмурилась и отвернулась. Какая женщина? Какие напудренные волосы? И голос, у женщины был такой странный, всепоглощающий голос!.. Девушка порывистым движением встала и бросилась вон из комнаты, когда она прибежала в комнату матери и залезла к ней на кровать под одеяло, сердце Ани учащённо билось. В этот самый момент началась гроза.

– Ты и в детстве боялась грозы, – улыбнувшись, сказала мать и обняла её.

– Сегодня снова! Невероятно! – возбуждённо говорил за завтраком весь всклокоченный Владимир Яковлевич.

– Что – снова? Неужели женщина? – усмехнувшись, поинтересовался кто-то из присутствующих.

– Да нет же, – махнул рукой сосед, – Если бы! Кто-то снял дверки со всех шкафов в моём номере, представляете?

– Правда? – переспросила Надежда Андреевна, испуганно округлив глаза, – а у нас в ванной...

– Мама, мы уже выяснили этот вопрос, – перебила её Анна: она совершенно не хотела, чтобы мать выглядела немного спятившей, как этот Владимир Яковлевич, – Я пойду прогуляюсь.

На улице ей встретился давешний конюх.

– Привет, – улыбнулся он, – Как спалось?

– Да ничего, – пожала плечами Аня, – Что делаешь?

– Гуляю, у меня сегодня выходной. Не хочешь присоединиться?

Они долго бродили по окрестностям усадьбы, разговаривали. Александр рассказывал о своей работе здесь и в городе, оказалось, что и там он работает на ипподроме, что его мечтой всегда было разведение лошадей, говорил о родителях, которые жили круглый год в деревенской глуши после того, как отец перенёс инфаркт, о друзьях, школьных годах и университете, который он хоть и окончил, но никогда не чувствовал, что та специальность, каковую он выбрал, его стезя.

– Бывает! – заметила Анна, – Я учусь на историческом – не очень-то престижно, зато... Папа всегда хотел, чтобы я пошла в его родню – продолжила династию.

– Он, наверное, рад, что ты так и сделала, – произнёс Александр.

– Нет, – покачала головой девушка, – он умер, когда я ещё училась в школе.

– Понятно, – кивнул молодой человек и приуныл, переживая внезапно возникшее при упоминании об отце настроение Ани.

Они подошли к пруду. Поверхность его, местами покрытая тиной, была неподвижна, хотя чувствовался легкий ветерок.

– Как странно!..– проговорила Анна.

– Да, – кивнул Александр, – Ты здесь видела привидение?

Девушка почти забыла о том случае и теперь вздрогнула от неожиданности.

– Господи! Да, это то самое место. Пойдём отсюда, я боюсь! – и она схватила его за руку и едва не побежала прочь от пруда.

Будучи уже на приличном расстоянии от водоёма, Аня обернулась и... Человек в чёрном камзоле стоял лицом к ней у самой кромки, держа в поднятой над головой руке цилиндр, будто приветствуя девушку.

– Ты видел? – её глаза расширились до невероятных размеров и запечатлели такой ужас, что Александру, не видевшему призрака, стало не по себе.

– Опять? – спросил он и тоже повернулся к пруду, но никого не заметил.

– Да вот же он! – крикнула во весь голос Анна, – Вот!! – и ткнула пальцем в воздух, – Чёрный камзол, видишь?

– Нет, – помотал головой Александр, – Я в правильном направлении смотрю?

– Ну конечно! Господи, бежим отсюда! – она снова взяла его за руку и уже было бросилась наутёк, как привидение оказалось akurat перед ней самой, – Саша...

– Это вы? Как я вас долго ждал! – приятным голосом заявил призрак и улыбнулся.

Анна, потеряв сознание, упала прямо на руки Александру.

Глава 5

Она очнулась на следующее утро. Рядом сидела мама и с озабоченным видом взирала сверху вниз на дочь.

– Мы немедленно отсюда уезжаем! – ультимативным тоном объявила Надежда Андреевна.

– Мама... Саша тебе всё рассказал? – девушка осторожно приподнялась на локтях.

– Да, а что, он должен был скрыть? – мама встала и принялась ходить туда-сюда по комнате, – То ли ты действительно видела привидение, а он не видел, то ли у тебя съехала крыша на свежем воздухе и без телевизора, то ли ты нас разыгрываешь? Но в любом случае мне страшно. Зеркало снова висит на месте. Я спрашивала у персонала – оно было в номере до того, как мы в него вселились и никто – заметь, ни

один человек – не забирал его ни для каких целей! – она даже подняла вверх указательный палец, – И этот смех – я явно его слышала, я не сумасшедшая, в отличие от некоторых, – И Надежда Андреевна покосилась на полусидевшую на кровати в полнейшей растерянности дочь.

– Мама! Я не хочу отсюда уезжать!

– Я догадываюсь, из-за кого! – закивала мать головой, – Ладно, подождём ещё день. Сегодня вечером костюмированный бал, надо будет пойти выбрать одежду. Разоримся мы здесь! – застенала мать и удалилась из комнаты.

«Это он меня долго ждал?» – размышляла, оставшись в одиночестве Анна, – «Значит, он меня знает? Нет, не может этого быть... Господи! Ну конечно!..» – и девушка, не обращая внимания на слабость, выскочила из кровати, быстро оделась и побежала к выходу.

– Куда? – крикнула мама, – Тебе лежать надо, припадочная! Даже не позавтракала!

– Мам, со мной всё в порядке! – ответила Аня на лету, – И есть я не хочу!

– Уж какое там – есть, раз горит!

Анна довольно быстро разыскала экскурсовода – Елизавету Тихоновну, та обитала в архиве, разместившемся во флигеле особняка, и спросила, нельзя ли перечитать историю этого дома, а главное – его хозяев, и нет ли их фотографий или хотя бы портретов. Вообще-то Аня ожидала, что хозяйские старинные портреты будут развешаны в столовой или в кабинете, но их, на удивление, нигде не было.

– После самоубийства жены её муж распорядился убрать все их семейные портреты, – объяснила Елизавета Тихоновна, – они все и пропали.

Хранились, наверное, где-нибудь в кладовке, а потом сгнили – за ними ведь определённый уход нужен. А остальные картины – во время советской власти были либо проданы – наиболее ценные или выкинуты. Зачем политработнику портрет старого князя? Одна фотография сохранилась, кто-то обнаружил её под матрасом старой кровати, сейчас покажу.

Анна сидела на диванчике, листала краткую историю усадьбы и ждала, пока Елизавета Тихоновна разыщет снимок среди многочисленных папок, которыми были завалены полки высокого книжного шкафа.

– Милая девушка, помогите мне! – женщина разверну-

лась, держа в руках стопку бумаг, – Будьте добры, поддержите вот это.

Анна поднялась на ватных ногах, взяла у Елизаветы Тихоновны бумаги и замерла.

– Нашла! – с победной интонацией произнесла женщина, выудив с какой-то полки маленькую фотографическую карточку, – Что с вами? Вы так побледнели? Тяжело держать? Давайте сюда, – она вернула на место бумаги, которые держала Аня, – Господи! Да, что с вами?

Девушка уже взяла снимок и бросила на него быстрый испуганный взгляд. Со старой пожелтевшей фотографии на неё смотрели она сама и... Александр.

Глава 6

Едва успев прошептать «Спасибо», потому что голос куда-то исчез, Аня побежала на конюшню.

– Саша! Я... Кажется схожу с ума!

Молодой человек, стоявший перед ней в униформе, вытер

большим клетчатым платком руки и, усмехнувшись, произнёс:

– Заметно.

– Нет, ты не понял!

– От любви, что ли?

– Нет, пожалуйста, послушай меня, – глаза девушки смотрели умоляюще, – Я не знаю, с кем ещё поговорить... – и она рассказала ему всё, включая и то, кого она увидела на фотографии.

– Ты веришь в дежавю? – спросила она под конец.

– Теперь, наверное, да.

– А мне?

– Ты действительно вчера видела привидение? – слегка прищурившись, задал Александр вопрос.

– Да, Саш. Ну как мне доказать это? – Анна вздохнула, – Хочешь, пойдём вместе посмотрим на эту фотку?

– Угу, можно, завтра, в обед – сегодня уже не смогу.

– Отлично, – улыбнулась девушка, – В архиве я прочитала о том, что супруги Василевские – хозяева усадьбы – жили в мире и согласии, но затем что-то произошло. К тому времени они прожили вместе около пятнадцати лет, и вдруг... Вот только что? После этого Наталья Осиповна, так звали жену, утопилась.

– Я слышал эту историю, – сказал Саша, – Ты хочешь провести собственное расследование, что ли, Ань?

– Просто интересно.

– Тебе мерещатся призраки, ты падаешь в обморок, у вас таинственным образом исчезает и появляется зеркало, а ты говоришь – интересно? – с укором произнёс молодой человек.

– Я чувствую какую-то связь с этим домом и с событиями, происходившими в нём. Это странно, я понимаю, и можно подумать, что я свихнулась на фоне всех этих графских усадеб и антиквариата, но... Саш, чем можно объяснить сходство старшей дочери Сухимских и меня?

– Вот ты где! – раздался сзади голос матери, – Анют, уже

все наряды поразобрили, пока ты тут болтаешь!

Платьев для предстоящего сегодня вечером костюмированного бала действительно осталось не так уж много, но выбрать было из чего. Проведя в примерочной около часа, мать и дочь, наконец, ушли к себе в номер, первая – с пышным серебристым платьем с чёрными вставками и глубоким декольте, вторая – с нежно-голубым шёлковым платьем, отделанным белоснежными кружевными оборками.

Бальный зал сверкал сотнями свечей или нет – электрических лампочек, хотя откуда в первой половине 19 века лампочки?

Анна танцевала уже четвёртый танец подряд, её приглашал даже Владимир Яковлевич. Сосед по столу жаловался, что дверки от шкафов нахальное привидение – или кто это был – так и не вернуло.

– Позвольте, сударыня? – послышался чей-то голос, Анна отняла руку от плеча Владимира Яковлевича, развернулась и встретилась взглядом с Александром, тот стоял в светлом камзоле и белом парике, чуть подавшись вперёд и вытянув к Анне руку. Владимир Яковлевич, насупившись, посторонился.

– Я отпросился на полчаса, – шепнул Александр Ане на ушко, и всё оставшееся время они протанцевали молча. Девушка очнулась только в тот момент, когда Саша, сравнив себя с Золушкой, сообщил, что ему пора бежать, а то чары рассеются, и, поцеловав Анину ручку, удалился.

– Вы свободны? – подошедший мужчина в чёрном камзоле с золотыми пуговицами и почему-то в чёрной карнавальной маске, галантно поклонился ей. Они стали танцевать и танцевали целую вечность, не произнеся ни звука, да и не замечая никаких звуков: ни музыки, ни людских голосов...

Но вокруг была ни тишина, а какой-то непроходящий гул. Анна закрыла глаза, у неё закружилась голова, но не было сил остановиться и она и её таинственный кавалер продолжали вальсировать. Наконец, они замерли, словно не могли больше двигаться, и замерло всё кругом, и больше не было зала, а была липовая аллея, уходящая вдаль, и пруд, подёрнутый ряской.

– Что? А! – словно прорезался голос, и Анна закричала. Человек в чёрном камзоле сорвал с лица маску.

– Здравствуйте, Наталья Осиповна! – и он так тепло улыбнулся, что губы девушки сами собой растянулись в улыбке, – Помните, я говорил вам, что вечность скучна, побеседовать,

знаете ли, не с кем... – он развёл руками, – Я начал шалить, хм, люди так забавны, когда боятся, особенно призраков. И вот, наконец, спустя более двухсот лет вы здесь.

Глава 7

– Кирилл Алексеич? – и слёзы закапали у девушки из глаз, – Все возненавидели меня! Даже Пётр! Никто, никто! не верил мне! Но вы же всё видели, князь!.. – она всплеснула руками и бросилась к воде.

– Стойте, княгиня, у вас же дети! Вспомните о них! – закричал Каримский.

– Им хорошо и без меня, они в Петербурге! – она бежала быстро, очень быстро, но всё не могла приблизиться к кромке ни на сантиметр, – Ах, они считают меня воровкой! Пётр ударил меня...

– Наталья Осиповна, побойтесь Бога, самоубийство грешно!

– Оставьте, оставьте меня в покое!..

И Анна проснулась от собственного крика.

Окна зашторены, темно и тихо. Страх мелкой дрожью поднялся от кончиков пальцев ног до корней волос.

Кто-то невидимый взял её за руку, заставил подняться и повёл на улицу. Природа была неподвижна, среди разорванных туманных облаков висела блестящая круглая луна.

Над прудом расстился призрачный белый пар. Анна поняла, что стоит в воде, причём в том же голубом бальном платье.

– Наташа!

Она обернулась и увидела Александра в камзоле и парике.

– Не делай этого!

– Я не слышу тебя!

– Прошу тебя, Натали! Пойдём домой!

– Ты не веришь мне!

– Я давно поверил тебе, милая! Пойдём домой, дай мне

руку!

Он почему-то оказался совсем близко от неё и тоже в воде.

– Шкатулка пропала, я не брала её, как мне это доказать?!

– Я знаю, Натали!

– Я ничего не слышу! Здесь никого нет! – но голоса буквально разрывали её голову, сплетаясь в невыносимо громкий гул.

– Княгиня, побойтесь Бога!

– Вернись!

– Вспомни о детях!

– Сестрица, не надо!

– Пойдём домой!

Она смутно видела лица родных: Зиночки, матери, Петра и даже Каримского, губы их шевелились, они шептали, кричали, а затем словно испарились, наступила тишина, даже Александр, нет – Пётр, пропал. Она всё так же стояла по по-

яс в воде, но уже не в платье, а в ночной рубашке, незнакомой ночной рубашке, и в её голове словно чужие появлялись мысли: «Я не могу так жить... Я забрала шкатулку у Марьи Филипповны под предлогом, что нашла хорошего мастера, и он сумеет её открыть. Шкатулку так и не открыли, она куда-то делась и все обвинили меня в воровстве – мои близкие не поверили мне!.. Я правильно делаю, я не должна слушать голоса в своей голове, я должна умереть. Дети проживут и с отцом, денег у него много... Ах, как же всё вышло!».

Анна покачнулась и различила перед собой женщину с распущенными светлыми волосами, в платье ампир. Ночная рубашка Ани, привезённая из дома, вымокла до горла, девушка выбралась из воды, тяжело дыша, посреди пруда уже никого не было. Подул ветер, луна скрылась за облаками, и стало темно, хоть глаз выколи.

– Вы всё видели, милая девушка... – человек в чёрном камзоле стоял, поставив ногу на пень и облокотившись на неё, – Помиритесь с вашим мужем, ведь вы так любите друг друга, тогда я подарю вам подарок.

– Я сплю, да? За эту ночь или день я засыпала и просыпалась не один раз, я ничего не понимаю. Где я? И где реальность?

– Реальность в ваших чувствах, дорогая. Я провожу вас

до номера.

Аня проснулась в холодном поту. Сквозь задёрнутые шторы пробивалось солнце. Девушка кинула взгляд на кресло у кровати – там лежало вчерашнее бальное платье, причём абсолютно сухое. Нет, она действительно думает, что ночью была на пруду? По пояс в воде?

Анна откинула одеяло. На ночной рубашке, надетой на ней, тоже не было следов тины и запаха водорослей.

«Сон? Всего лишь сон?» Но она помнила каждую малейшую деталь.

Мама сидела в гостиной, читала газету.

– Доброе утро, – улыбнулась Надежда Андреевна, – Что-то ты рано встала сегодня.

– А сколько времени? – и задав вопрос, Аня обратила внимание, что как-то уж слишком быстро темнеет, хотя ещё утро.

– Нет, сейчас ещё не утро, – произнесла мать, и голос у неё был не то женский, не то мужской, – Сейчас глубокая ночь!

Анна услышала плеск воды.

– ГРЕХ! ГРЕХ! ГРЕХ! – доносилось со всех сторон.

Она снова увидела ту женщину посреди пруда, княгиню, которая утопилась.

Наталья Осиповна перекрестилась и ушла под воду.

Анна почувствовала, как лёгкие заполняются водой, отвратительно скользкой тиной, перед глазами прыгали светлые и тёмные пятна и кружились лица, детские лица в бешеном хороводе...

Глава 8

Она очнулась и сразу же поняла: вот она – реальность. Дышать всё ещё было трудно, и она никак не могла вдоволь наглотаться живительного воздуха. Над Анной склонились люди, много людей. Они испуганно перешёптывались, а потом кто-то крикнул:

– Ну наконец-то!

– Анюта! – это Надежда Андреевна трясущимися от страха руками обхватила её голову, – Как же ты упала, а? Господи!..

Местный врач посоветовал немедленно идти в травмпункт, но Анна отказалась.

Врач и ещё кто-то из обслуживающего персонала проводили мать с дочерью в номер и, в очередной раз поинтересовавшись, не нужна ли их помощь, получив тот же ответ, оставили Анну и Надежду Андреевну наедине.

– Мам, что произошло? Я ничего не понимаю... – девушка сидела в кресле, забравшись в него с ногами и укрывшись толстым пледом, пила горячий чай с мятой.

– Ты совсем ничего не помнишь? – Аня помотала головой, – Ну ладно... Ты внезапно, после того, как потанцевала с Сашей, и он ушёл, выбежала на улицу.

– Одна?

– Да. Прошло больше получаса, я заволновалась, поначалу-то я думала, что ты там с Сашей гуляешь, но вы бы тогда, наверное, вместе вышли. Или это конспирация такая? В об-

цем, я выскочила на улицу, звала тебя, звала, нет нигде. Побежала в номер, думаю, может, я не заметила, когда ты вернулась. В номере тебя тоже не оказалось. Я спускаюсь вниз, зову с собой несколько человек на твои поиски, мы прочесали просто всё, и вдруг около пруда я смотрю: ты. По пояс в воде! Кричу «Аня! Аня!», а ты перекрестилась и как сиганёшь вниз! Хорошо, что я вовремя заметила, мы тебя тут же вытащили, позвали доктора. Ой, Анька! Да что ж это такое? Ты хотела покончить жизнь самоубийством?

Глаза девушки были полны ужаса. Так это не сон? Она по-настоящему могла умереть!.. Настоящая вода затекала в её настоящие легкие?.. У неё закружилась голова, и Аня чуть не пролила чай.

– Мам, нет, это... Я разберусь в этом. Я не сумасшедшая, зачем мне топиться? Мы должны ещё на некоторое время здесь остаться, ладно?

Надежда Андреевна строго на неё посмотрела.

– А, по-моему, ты всё-таки сошла с ума.

На следующее утро – который по счёту раз она проснулась после этой ужасной ночи? – Анна была бледна и за завтра-

ком почти ничего не ела. Все отдыхающие справлялись о её здоровье, и она говорила, что оно лучше, чем когда бы то ни было. Владимир Яковлевич, сидевший сегодня рядом не с Надеждой Андреевной, а с Аней, сказал ей на ухо:

– Я видел вчера призрака.

– Где?

– На балу. Он танцевал с вами, а потом увёл вас на улицу.

– О, Боже! Да, вы правы, – кивнула Анна, стараясь быть спокойной и не привлекать внимания присутствующих, – Это князь Каримский. Он мой давний знакомец.

Владимир Яковлевич нахмурился.

– Что у вас с голосом?

– Ничего. Простите, – она приложила к сухим губам салфетку, – Я слышу – мой муж идёт, – и выбежала из-за стола.

– Какая старомодная!.. – удивился Владимир Яковлевич.

– Какой муж? – удивилась Надежда Андреевна, и они переглянулись.

В парадной стоял запыхавшийся Александр.

– Ань, я верю тебе! Я... – он перевёл дух, – Ты была сегодня ночью у пруда?

Анна пристально посмотрела ему в глаза. Да, это он, Пётр.

– Да.

– И я тоже. Я видел тебя, но это был не я, а это была не ты, то есть...

– Пойдём, – взяла она его за руку, – сейчас как раз архив открылся.

Елизавета Тихоновна была поражена таким вниманием к старой фотографии.

– Похожи на нас? – спросили молодые люди у экскурсовода.

Та надела очки, поднесла снимок к глазам. И тут же отпрянула.

– Да, – она переводила испугано-изумлённый взгляд с Александра и Анны на Петра Василевского и Наталью Осиповну и обратно, – Невероятно!.. – она схватилась за сердце и стала медленно оседать.

Молодые люди одновременно поддержали её с двух сторон, усадили на диван.

– Мне лучше, спасибо.

– Ань, взгляни, – прошептал Саша, потому что едва не онемел от случившейся с фотографией метаморфозы.

Наталья Осиповна с мужем закончили позировать перед объективом фотографа, поднялись с софы и ушли из комнаты. Фотограф вошёл в кадр. В комнате никого не было, он оглянулся пару раз на дверь, подошёл к чайному столику в углу, быстрым движением убрал с него шкатулку и снова скрылся за фотоаппаратом.

Глава 9

Анна с Сашей переглянулись.

– Вот это фокусы! – присвистнул последний.

– Значит, шкатулку украл фотограф, – заключила Анна.

– При чём тут шкатулка? – не понял Александр.

– Выйдем отсюда, – предложила девушка, – и я расскажу тебе.

Сначала она поведала ему о странных событиях, произошедших этой ночью, затем – о своих выводах.

– В этой шкатулке хранились... ну, я не знаю, драгоценности, наверное. Хозяева не могли открыть её, но очень хотели, потом шкатулка пропала, и все переругались из-за неё. Все обвиняли в краже Наталью Осиповну, включая и её мужа. Он даже ударил её, вот только за что? Неужели жадность его была так велика? Княгиня не выдержала подобного давления и утопилась...

– И никто её не остановил? – спросил Александр.

– Никто, – раздался голос, но вокруг никого не было, – Никто, Пётр Игнатьич, – и перед ними возник Каримский, – Один я видел, как ваша жена ночью, несчастная, несправед-

ливо обвинённая, утопилась в пруду, и я не мог остановить её. Она не слышала меня, смятение, гнев, обида затмили её разум.

Александр повернулся к Анне и взял её руки в свои.

– Я так виноват перед тобой, Наташа. Я поднял на тебя руку, я припомнил твою беременность от другого мужчины, хотя сам полюбил ребёнка ещё в утробе, а потом страдал от его потери. Эти драгоценности ничего не стоят. У нас была любовь, семья и дети, но мы их потеряли. И я виноват в этом. Прости меня. Прости, – он опустился на колени.

– Петя, не надо, – она положила руку на его склонённую голову, – Это я виновата. И перед тобой, и перед детьми, и перед нашей любовью. Это я польстилась на драгоценности графини Воронцовой, будь они прокляты! Это я начала всю эту историю, я забрала шкатулку с ними у Марьи Филипповны, но они, все эти побрякушки ничего, ровным счётом ничего не значат!..– и она опустилась рядом с Петром.

– Я всё испортил...

– Я всё испортила...

– Ну наконец-то! – воскликнул радостный голос Каримского, – Наконец-то ваши души избавились от греха! – На-

талья Осиповна и Пётр взглянули на него снизу вверх блестящими от слёз глазами, – Вы, княгиня, от греха самоубийства, а вы, князь, от греха неверия своей жене и охватившей вас обоих жадности. Вы покаялись, верна поговорка: лучше поздно, чем никогда. И к тому же вы избавили драгоценности от проклятья. Вы сами прокляли их, тем самым наложив одно проклятье на другое, наложенное моей матерью.

Теперь драгоценности не принесут никому вреда, они лишились своей магнетической, привлекающей к себе силы, убивающей каждого польстившегося на них. То же случилось и со мной, и с вами, и с тем фотографом. Однажды его дом загорелся от фотографической вспышки, и он сгорел. Шкатулку спас я, ведь я по-прежнему оставался одержим ею. И вот, чары разрушились. Вы сняли с себя грех, и заклятье, и мне больше нечего делать на брэнной земле. Встаньте!

Молодые люди поднялись, всё так же держась за руки. Привидение выудило откуда-то ту самую шкатулку с открытой крышкой. Каримский улыбался.

– Я дарю вам их, – и он протянул Анне драгоценности, те заискрились на солнце, – У вас есть ещё один шанс обрести любовь, не теряйте его, раз уж вы снова встретились. И пообещайте, что мой подарок принесёт вам только радость.

– Обещаю, – произнёс Пётр или нет, Александр.

– Обещаю, – вторила ему Анна и крепче сжала его ладонь.

А вокруг начинался июнь.